

Лев Пучков
Наша личная война
Серия «Команда №9», книга 2

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=120897
Наша личная война: Эксмо; М.: 2006
ISBN 5-699-06091-X*

Аннотация

Шахид-смертник – страшное оружие. А когда группой таких шахидов командует сам легендарный Дед, международный террорист, на счету которого десятки крупномасштабных акций, то ясно, что команде полковника Иванова не до сна. Первый удар группа Деда уже нанесла – уничтожен ряд крупных федеральных офицеров и чиновников чеченской администрации. Что ж, второго удара бойцы оперативно-аналитической команды не допустят. Их мало, но каждый профи высшей пробы. Им послушно любое оружие, их интуиция и реакция отточены до предела. Псы войны, они взяли след, и теперь их ничто не остановит.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	31
Глава 5	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Лев Пучков

Наша личная война

*Некоторые события, описанные в книге, выдуманы.
Названия ряда населенных пунктов, учреждений и организаций
намеренно изменены.
Изменены также многие фамилии.*

Глава 1

Костя Воронцов

16 декабря 2002 г., г. Грозный

...Сыро. Холодно. Зима. Поврежденные дома.
Нет девчонок, нет танцулек, в общем, нету ни хрена.
Обосрались все соседи, мы сидим на БМП.
Ждем, когда шахид приедет и взорвет наш КПП...

Всем привет. Позвольте представиться: майор Воронцов. А рядом со мною мой боевой брат: капитан Вася. Мы – офицеры армии Российской империи, Его Величества народа верные псы. Службу тут несем. В данный момент праздный капитан Вася демонстрирует мне свой блокнот со стихами. Муза его, видишь ли, посетила. В руки блокнот не дает, паршивец, – вдруг я начну листать и открою какую-нибудь совершенно секретную творческую тайну?..

- Ну как?
- Да никак.
- Ты че, злой, что ли?
- При чем здесь – «злой»?
- Ну, тогда давай, критикуй. Только объективно. Без всяких там...
- Да ну, неохота...
- Все равно делать больше нечего. Давай!
- Гхм...

Вася прав, заняться действительно нечем. Сворачиваемся в сумерках, так что еще часа четыре будем активно бить баклуши.

Просто на душе скверно. Хочется сидеть, уставившись в одну точку, и ни о чем не думать. Этакий летаргический транс. Ты на время умираешь, а потом, когда воскреснешь, уже пора ехать на базу, ужинать и спать. Проверено – время быстрее проходит.

- Ну ладно, давай.
- Давай. «Никак» – это что – сам стих или оперативная обстановка неточно отражена?
- Стих – ладно, бог с ним, это на твоей совести... Гхм... А вот обстановка... Поврежденные дома – это когда они стоят, а что-то сломалось или треснуло. Тут же вокруг одни руины. А поврежденные руины – это нонсенс. Далее... Какие, в задницу, девчонки и танцульки, родной мой? Война ведь! Это вообще вне тематики. Далее. Соседи обделались, но отнюдь не все. Согласен?

Вася покорно кивает. Здесь налицо явная гиперболизация. Внеплановая вспышка дизентерии – только на соседском ВОП (взводный опорный пункт). Все остальные в

порядке. Зима все-таки. Надо начмедать бригады, от которой ВОП, отыметь в трехпозиционном аспекте, и все встанет на свои места.

– Да и слово «обосрались» однозначно выходит за рамки этого, как его... Гхм... Ну, в общем, налицо типичный диссонанс.

– Типичный – кто?

– Гхм... Да уж...

Наш разведывательно-поисковый Вася заболел графоманией. Знаете, есть такая лихомань, заразная – ужас! Во-первых, два месяца назад он в оперативном порядке прочел изъятый при обнаружении схрона дневник Абая Рустамова (упокой Аллах его черную душу). Во-вторых, у них в бригаде какой-то военный проходимец написал роман. Книгу издали, и даже есть какие-то там лестные отзывы, в наших фронтовых газетках статьи появились: типа, вот для чего нам голова, не все ей кирпичи ломать!

Вася уже второй месяц пытается писать роман. Хочет издать книгу о своих приключениях и разбогатеть. Вы можете возразить мне: многие вояки или органисты (это которые из органов) так делают. Бывает, получается вполне сносно. Согласен, бывает. Но вот наш Вася... При всех его феноменальных разведывательных качествах, доложу вам, он годен лишь для написания боевых донесений – и то под моей тщательной редакцией. Потому что дремуч, как унт (кто не в курсе – это такой лохматый валенок, из трупа зверя делают). Одно слово – потомственный сибиряк-охотник. Этаким местный Дерсу Узала.

Чтобы не быть голословным, привожу отрывок из Васиной объяснительной двухмесячной давности. Орфография в девственном виде. Вдаваться в подробности не стану, скажу кратко: был такой нехороший человек – Мохов, бывший чекист, который оклеветал нашего светлого и чистого товарища Петрушина. Будто тот (и повернулся же язык такое сказать!) пытал его, бедного Мохова, в результате чего ему (бедному) пришлось сознаться черт-те в чем! По этому поводу нас имела прокуратура и иже с ними, и мы, будучи разведены по разным углам, писали отказные объяснительные. Иванов – наш главарь – только и успел дать совет: постарайтесь писать расплывчато и индифферентно. Вот как это понял Вася:

«...а то, что Мохов был подвергнут задрочению в нашем блиндаже – лож, писдеи и провокатсы. И ничего ему там никуда не вставляли, это суровая неправда. Ему, этому чмошному Мохову, только намекнули: типа, если что, пидер ты страшный, – сразу жопа на барабан. И у него моментально – очко на ноль. Ну и раскололся до самой гузки, чмо. А что артиллеристы слышали крики – я без понятия. Какие крики, товарищи?! Может, это Лиза песни пела? И вообще, это было уже без меня – потому что потом я сильно устал после допроса и под утро совершил отбой („пошел спать“ – прим. дознавателя)...»

– В общем, это нелитературное слово, Вася.

– Ладно, заменим. Пусть будет... эмм... О! «Обдристались». Покатит?

– Ой-е-е... Вася, ты уверен, что тебе это надо?

– Надо, Костя, надо. И потом – все равно делать нечего. Про шахида – хорошо?

– При чем здесь шахид, Вася? Тут вовсе не в шахиде дело...

За два месяца Вася проделал колоссальную работу. Придумал сюжет, написал пролог и двенадцать стихов. Сюжет классический: некий лихой майор Крюк (Васе скоро майора получать, а фамилия у него – Крюков) отслеживает коварных, искусных, дико подготовленных и практически неуловимых «духов» и зверски мочит их на фоне живописной природы Северного Кавказа. Но – летом. Вася зиму не любит, зимой здесь весьма скверно. Я не понял только, отчего в маленькую головенку нашего разведчика втемяшилось, что примерно треть всего текстового массива должна быть представлена в стихотворной форме. Пробовал дискутировать с ним на данную тему – все впустую...

– Так что – про шахида?

– Про шахида... Гхм... А вдруг он не придет? Вдруг – придет? А если это будет дама? Придет дама, взорвет КПП... В общем, извини – не совсем объективно. А где-то даже совсем натянуто.

– Ты просто мне завидуешь, – простецки резюмировал Вася, запихивая блокнот в карман. – Ты такой умный весь из себя – и ни хрена. А я такой дурак – и... А?

– Да уж...

– «Да уж»! – передразнил Вася, прикладываясь к оптическому прицелу своего «ВАЛа». – Вон «шоха» в город прется. Давай, блин, бери стекла, анализируй.

К посту № 1 (центральный въезд в город) с черепашьей скоростью приближалась облезлая «шестерка» кофейной масти. Я взял бинокль, широко зевнул и принялся наблюдать...

Хорошо после обеда. Транспорта меньше. Все местные, которые не имеют военных намерений, спешат устроить свои дела в первой половине дня. Потому что во второй половине дня рукой подать до сумерек, а в сумерках уже любят работать местные, которые намерения имеют. «Духи» то бишь. Ввиду этого печального обстоятельства бойцов на блокпостах ближе к сумеркам посещает здоровая подозрительность и они могут нечаянно пальнуть не по адресу. Это, согласитесь, не очень приятно. А тут еще эти развеселые затейники-шахиды, будь они неладны!

Шахиды, если кто не в курсе, – это мусульманские герои-мученики, павшие в борьбе с неверными. С нами то бишь. Я в глубокой молодости в Баку служил. Так вот там, в Нагорном Парке, где люди гуляют, есть Аллея Шахидов. Там похоронены азербайджанские боевики, которых в январе 90-го года по ходу «зачистили» наши войска, когда штурмом брали город. Самое почетное место, между прочим. Примечательно, что на эту аллею наш ВВП во время одного из визитов совместно с Гейдаром венки возлагал! Хотя это его личное дело. Как говорит наш великий сатирик: нам все равно, мы живем отдельно друг от друга, власти – сами по себе, народ – аналогично.

– Интифада для вайнахов – явление чужеродное. Это наносное, импортное. Не думаю, что это стоит принимать всерьез...

Это мнение нашего начальника – полковника Иванова. Конечно, он несколько вольно трактует данное понятие, поскольку интифада, в узкоспециальном аспекте, – это война палестинцев с Израилем за спорные территории.

Наша война совсем другого рода. Спорных территорий тут нет, а есть «нефтяные» и прочие деньги, которые группка умелых товарищей с обеих сторон стабильно имеет с этой затянувшейся трагедии. Деньги – это главное. Тут у нас все плевать хотели на заявления руководства о единой и неделимой России, равно как и на лозунги непримиримой оппозиции о независимой Ичкерии. Любой солдат и каждый горский пацан прекрасно знает: Чечня России на фиг не нужна, хоть завтра – флаг в руки и попутного ветра в спину. И пусть идут! Каждый солдат и любой горский пацан прекрасно знает: Чечне без России не выжить. Выведи войска, поставь кордоны по Тереку, дабы пресечь беспрепятственную миграцию, дай им (чеченам, а не кордонам!) полную независимость... И через неделю тут начнется братоубийственная война. Депутат Аслаханов – мудрый генерал – на вопрос: «...сколько времени продержится власть в Чечне, если оттуда удалить все войска и дать ей независимость?» – не кривя душой ответил: «Два дня. Потом начнется резня...» А Шамиль Басаев – простой парень, – мимоходом проболтался иностранным корреспондентам: «...Мы, конечно, с Россией воюем, но в то же время мы ей благодарны – она нас избавила от тяжкого греха братоубийства. Мы уже были на пороге гражданской войны, когда Россия ввела войска (это он вторую войну имеет в виду). И мы отложили в сторону свои распри, чтобы объединиться перед лицом общего врага...»

Однако возвращаемся к текущему моменту. Вот этот самый пресловутый «шахидизм» (если будет позволено так выразиться) – основная составляющая интифады – до недавнего времени для чеченов был вовсе не характерен. Любой военизированный нохча, разумеется, готов умереть с оружием в руках, но... Чечены – люди весьма деловые и практичные. Зачем обвешиваться взрывчаткой для самоубийственной акции, исход которой всегда одинаков, а полезные результаты весьма непредсказуемы? Подготовленный боец с головой на плечах способен долго и успешно воевать, и суммарный урон от его деяний будет значительно большим, нежели от этой одноразовой красивой смерти, которая, кстати, в большинстве случаев не имеет особого эффекта ввиду бдительности «оккупантов».

Разумеется, бывают особые случаи: наподобие изнасилованной девчонки, которую сердобольный старший брат снабдил поясом шахида и отправил обнять военный бензовоз¹. Но это закономерные исключения, которые присущи любому жизненному правилу. А в целом, смотрите абзац выше: каждый «дух» прекрасно знает себе цену и стремится пожить подольше, дабы нанести возможно больший ущерб врагу. И если все же активизирует на себе взрыватель, то только в крайнем случае, когда зажали в угол и деваться совсем уж некуда.

А в нынешнем декабре (читай – в последние две недели) на практичный чеченский люд напала какая-то нездоровая шахидная эпидемия. Пять случаев с интервалом примерно в три дня. Как по расписанию. Методика довольно однообразная: грузят в транспортное средство взрывчатку и таранят военные объекты. Колонны, КПП, блокпосты и так далее. Исполнители – молодые люди с горящим взором, едва ли не подростки.

– Да обдолбленные они, – так считает наш инженер, подполковник Васильев (в миру – Глебыч). – Обкурятся – и море по колено.

– Хашишины, – заметила по этому поводу начитанная чекистка Лиза. – Может, тут где-нибудь объявился этакий местный царь горы Хасан?

Примечательно, что гэрэушный лейтенант Серега при этом высказывании как-то странно вздрогнул и поежился. Я отметил эту нехарактерную реакцию и намотал на ус. Надо будет потом проанализировать, откуда у нашего железного вундеркинда столь неадекватные рефлексии?

Теперь отвечаю сразу на два вопроса: раз – специально для тех, кто с нами только знакомится, два – по теме.

Раз. Вышеперечисленные товарищи, как и ваш покорный слуга, входят в команду номер девять. Официально она значится в штатном расписании как «оперативно-аналитическая группа неспецифического применения», и никто из нас, в том числе и командир – полковник Иванов, до сих пор не догадался, за что же нас этак вот обозвали. А чем мы занимаемся в действительности, узнаете по ходу повествования.

Два. Зачем мы торчим на КПП? В рамках так называемой «антишахидной» программы. После второго подрыва наше прозорливое руководство догадалось, что тут имеет место рецидив, и приняло некоторые меры. А именно: ввели усиление и призвали всех подряд сурово бдеть. Дабы воспрепятствовать.

Как это выглядит на местах, объясняю на примере нашего КПП. КПП интересен для нохчей-камикадзе как объект скопления боевой техники и личного состава. В связи с этим на сто метров от КПП в каждую сторону вынесен парный пост со шлагбаумом и будкой. Очень неудобно, но в меру эффективно. При досмотре и поверхностном общении вот этот дополнительный пост должен ни много ни мало расшифровать (!) смертника.

Смертник имеет определенную цель. Рвать двоих бойцов ему нецелесообразно, надо подобраться поближе. В случае прорыва должны успеть среагировать группы прикрытия и превратить подозрительное транспортное средство в дуршлаг. Все просто.

¹ Случай описан в книге «Приказ: огонь на поражение».

При любых раскладах глубоко не завидую бойцам на дополнительных постах. Они сами смертники. Обкуренный шахид не взорвет, так свои положат.

По продвижению колонн докладывать не буду – там целая система, которая, кстати, действует и по сей день с переменным успехом. А в качестве дополнительных мер усиления, как обычно, на КПП посадили офицеров штаба группировки и всяких «приданных», слоняющихся вроде бы без дела. Мы сейчас как раз относимся к этому разряду. Я, Глебыч и Вася сидим на Северном, а Петрушин с лейтенантом Серегой и Лизаветой – на Южном. На остальных КПП и блокпостах тоже какие-то бездельники торчат.

Начальство полагает, что с таким усилением шахидам тут ловить нечего. Но шахиды полагают иначе и продолжают безобразничать. А еще, сообщу вам, вот этих усилителей повсеместно наделили правами старших. Если, скажем, на КПП до сих пор командовал омовский лейтенант Обуглобиев, то в данный момент самым главным здесь официально считается войсковой подполковник Васильев.

– Ты это распоряжение сверни в трубочку и затискай куда хочешь, – сразу заявил лейтенанту Глебыч. – Мы тут у тебя посидим, мешать не будем, а если получится – поможем по мере сил. Ты работай, на нас не обращай внимания...

Вот мы и сидим. Приедем с утра и до сумерек торчим. Мы с Васей слегка чувствуем себя офицерами, торчать на действующем объекте совсем без дела считаем признаком дурного тона. Поэтому имитируем некоторую нужность. Сидим мы за БМП (а не на нем – тут Вася в стишке слегка приврал). БМП стоит впритык к КПП, тут у нас костерок, брезент натянут, мы как бы в тылу, этикие ловкие разведчики-бездельники. С нашей позиции хорошо просматриваются оба выносных поста, с бойцами которых мы слегка взаимодействуем. Я в бинокль анализирую поведение товарищей, с которыми общаются бойцы, и пребываю в готовности дать экстренные рекомендации по практическому применению оружия группам прикрытия. А Вася сам себе группа: смотрит в прицел своего «ВАЛа» и пальчиком поглаживает спусковой крючок. Думаю, если вдруг у нас тут что случится, он будет единственным, кто примет радикально верное решение.

Глебыч самоустранился. Лежит целыми днями на топчане в будке КПП, спит и читает детективы.

– Как укокошите того шахида – приглашайте, разминиров, – заявил наш ленивый инженер. – А ежели он успеет на взрыватель нажать... ну, извините – тут целый полк саперов будет бессилён что-либо сделать. Так что бдите, если не лень, и не отвлекайте по пустякам...

...«Шестерка» приблизилась к посту № 1 и встала. Из салона резво выскочил молодой нохча и приступил к общению.

– Ага! Что-то мне не нравится этот индюк, – кровожадно буркнул Вася. – Резкий он какой-то... Чует сердце – как раз тот самый шахид! Смотри внимательно...

Я к Васиной подозрительности отнесся ровно, потому как в курсе побудительных причин. Как я уже говорил, с утра тут транспорта невпроворот, работать вообще невозможно. Но утром и не взрываются. А если взрываются, то рядом с какой-нибудь проходящей колонной и подальше от КПП, чтобы своих не зацепить. После обеда поток иссякает и появляется возможность обращать пристальное внимание на каждую транспортную единицу. Особое почтение единицам, следующим в город. Совсем особое – вот таким невзрачным «шестеркам», ввиду того что они указаны в ориентировке. Несколько последних подрывов совершены именно на подобных дряблых «шохах» не пойми какого окраса.

Ситуация с невзрачными «шестерками» – закономерный чеченский парадокс. Практичные нохчи больше всего любят оружие и технику. Не было еще случая, чтобы кто-нибудь подорвался на новенькой иномарке – можете сами посмотреть статистику. Если уж гробить, так какую-нибудь дрянь, которой не жалко. Это закономерность. Парадокс заключается в том, что человек на дрянной машине с тротилом отправляется, без всяких аллегорий и ски-

док, в последний путь. И ему, казалось бы, должно быть глубоко безразлично, что останется после него в этой жизни...

Водила «шестерки» действительно какой-то резкий. Громко разговаривает, широко жестикулирует, тычет пальцем куда-то вверх. Намекает, что имеет покровительство, мерзавец этакий.

– Это не шахид, – успокоил я Васю, переключая внимание на пост № 2 (центральный выезд). – Это нормальный чеченский хам. Видимо, родственник чей-то, везет какую-то дрянь и не желает досматриваться...

К посту № 2, между тем, со стороны города подкатила обшарпанная «таблетка»². Водитель – бледный молодой человек, совсем юноша, со вселенской скорбью во взоре (бинокль – нужная вещь, со ста метров простым взглядом скорбь совсем неразличима!). С бойцами общается, потупив взгляд, руками не машет. Так, а вот это уже интересно...

Короткий разговор, первый номер поста распахнул задние двери «таблетки», на секунду сунулся в салон... Тут же отпрянул, хлопнул парня по плечу и махнул рукой. Проезжай, мол.

– «Контроль-2» – «Второму», – запросил я по радиации второй пост. – Что у вас там?

– Старуха мертвая, – негромко ответил боец. – Мать этого пацана. С больницы в село везет, хоронить...

– А-а-а! – заорал на въезде резвый водила «шестерки». – Собаки!!!

Я отвлекся на шум. Ага, товарищ явно перехашил: теперь его грубо уронили лицом в грязь и досматривают со всем пристрастием. Ваши покровители нам не влияют. Мы на ваших покровителей клали вприсядку. Пусть «коммутируются» с нашим начальством, чтобы отдали дополнительное распоряжение по пропуску без досмотра. Тогда машите руками сколько влезет.

– Гад, – резюмировал Вася. – Оборзевший тип. Может, мотор ему прострелить?

«Хлюп!» – в этот момент где-то справа раздался сдавленный вскрик, приправленный характерным лязгом – будто автомат со всего маху швырнули об асфальт.

– Блин, опять перепили, что ли? – недовольно буркнул Вася. – Глянь, что там?

Высунувшись из-за БМП, я обнаружил странную картинку...

Два бойца у центрального шлагбаума, плюхнувшись наземь, тихонько ползли к придорожной канаве, забыв на грязном асфальте автоматы и потешно вытягивая головы в плечи. Поста номер два не было видно – те, видимо, уже достигли канавы...

А прямо напротив КПП, буквально в трех метрах от меня, зловеще застыла «таблетка», только что досмотренная постом № 2. Двигатель негромко работал на малых оборотах, из приспущенного слева окна на меня смотрела пара немигающих черных глаз.

– Ва...ся... – враз охрипшим голосом прошептал я. – Ва...

Стрелять по машине никто даже и не пробовал – хорошо тут все опытные, обкатанные в разных ситуациях. Стрелять можно, если шахида «расшифровали» на выносном посту. Есть шанс получить увечье, но остаться в живых. На машине, увы, не висит плакат, каким типом взрывчатки она заправлена. И каждый прекрасно понимает, что, если пуля попадет в какую-нибудь дрянь типа тетриловой шашки, шахиду даже не придется активировать взрыватель.

А тут – вот она, машинка, три метра. В КПП – полвзвода личного состава, рядом две БМП с полным боекомплектom...

Первое мое желание было, как у любого нормального военного: плюхнуться наземь и скоренько ползти куда-нибудь. Если успеть свалиться в канаву, мизерный шанс уцелеть все же есть.

² «УАЗ-452» (жарг.).

Только я сразу понял, что желание это неосуществимо – опоздал я чуть-чуть. Взгляд юного нохчи, сидевшего за рулем «таблетки», сконцентрировался на моей скромной персоне и взял меня в плен. Нет, я не избранный, на лбу у меня метки нет. Просто волею случая я оказался ближе всех...

И чего только в этом взгляде не было, други мои! Ненависть, дикая тоска, страх, жажда жизни – вот такая взрывоопасная смесь. Я умею читать взгляды, у меня работа такая. Но самое главное – неуверенность. Во взгляде бледного юноши я отчетливо прочел неуверенность и ухватился за нее как за спасительную соломинку.

– Салам... Со хога вист хила веза, – хрипло пробормотал я, на ватных ногах приближаясь к машине и каждой клеточкой своего существа ощущая: теперь я – сам себе приговор. Одно неверное движение, слово, неправильная интонация...

– Ваялайкум... – одними губами прошептал мальчишка. – Нохче ву?

Не до конца уверовавший шахид – это подарок Судьбы. Тут только кажется, что все так просто: принял решение взорваться совместно с врагами, обвешался тротилом – и вперед, во славу Джихада. Мне приходилось иметь дело с людьми, решившими свести счеты с жизнью, и я компетентно заверяю вас, что здесь все гораздо сложнее.

Для того чтобы обычный человек превратился в действительного статского шахида, необходимо наличие хотя бы одного из следующих состояний. Перечисляю по степени разрушительного воздействия на психику: глубокий наркотический транс, фанатичная вера, патология и дикая, всепоглощающая озлобленность на весь мир – до полного душевного опустошения. Если ни одно из вышеперечисленных состояний не присутствует, можно побороться...

– Я не нохча, – теперь я совсем рядом и через приспущенное стекло могу видеть, что мальчишка держит в правой руке какой-то дрянной трехрублевый тумблер. От тумблера под сиденье тянутся два разноцветных проводка... – Но я хорошо знаю ваши обычаи и законы. Знаешь, брат, – это большой грех для правоверного...

– Это не я!!! – Мальчишка трезв, глаза ясные, и, самое главное, смотрит на меня как на одушевленное создание. Это важно. Но явно неадекватен: лихорадочно горящий взор, сильный озноб – рука, держащая тумблер, мелко дрожит...

– Это не я, ты понимаешь, не я!!! Я шахид, воин! Мне толка вот это нажат, и все!

– Да понимаю я, понимаю...

На самом деле я решительно ничего не понимаю и всецело сосредоточился на двери. Если бы я был не психологом, а спецназовцем, то сейчас мой автомат наверняка не болтался бы за спиной, а был готов к бою. Если бы мой автомат не болтался за спиной, а был готов к бою, это решило бы все проблемы. Если бы это гадское стекло было опущено до конца, было бы значительно проще. Но такие ситуации не приемлют сослагательного наклонения – тут все должно быть предельно конкретно: или – или...

– Я понимаю, но... Но все равно, согласись – это великий грех...

– Это Аюб сделал, он сдохнэт, как собака! А я – настоящий шахид!

– Понимаю, понимаю. – Я очень осторожно поднимаю руку и достаю из нагрудного кармана сигареты и зажигалку. Старый дешевый прием: сам не курю, использую для коммуникации. Если мальчишка не курит...

– Ты мужчина, ведешь себя достойно. Не торопись, я тебя прошу, ты тут теперь главный, как скажешь, так и будет. Давай закурим, брат, а то мне что-то немного не по себе. Держи...

Мальчишка курит. Он машинально открывает дверь, берет сигареты с зажигалкой... А чтобы прикурить, нужны две руки! Мой шахид выпускает тумблер и тащит сигарету из пачки...

Опа! Я хватаю пацана под мышки и резким рывком выдергиваю его из кабины. Это не авантюра, спиной я ощущаю надежное присутствие искушенного в таких вопросах Васи Крюкова.

– Ну, сука... – Вася тут как тут – мелким бесом прыгает к нам из-за БМП и с удивительной быстротой распластывает мальчишку на асфальте, наступая коленом на грудь и хватая за обе руки. – Стропу из «разгрузки» достань!

– Ар-р-ррр!!! – Наш пленник дергается всем телом и рычит, скрипя зубами. – Шаккалы!!! Ваууу...

Я трясущимися руками извлекаю из кармашка Васиной «разгрузки» обрезок стропы с петелькой – непреложный атрибут нашего разведчика – и краем глаза отмечаю появление на театре военных действий недостающих фигур. Два грязных бойца, озабоченный Глебыч – все торопятся к нам, желают помочь.

– Ну вот... – помогать уже не надо. Вася мгновенно переводит руки пацана за спину и в секунду вяжет их мертвым узлом. – Отпрыгался, шахид куев...

– Мочи, бя!!! – доносится от поста № 1. – Мочи пидара!!!

Нет, это не про нас. Среди нас таких нет. Это резвый нохча, которого уложили наземь раньше всех, воспользовался ситуацией и зигзагами рванул по пустырю. Шустрый малый, как будто всю жизнь только этим и занимался.

«Ата-та-та!» – раскатисто шарахнула автоматная очередь.

«Дух! Дух! Дух!» – торопливо подтвердил очнувшийся на посту прикрытия снайпер.

Да, по всей видимости – «дух». По всей вероятности, «группа обеспечения». Просто, как две копейки: скандальным поведением своим отвлек ротозеев от основного действующего лица. А вот основное на последнем этапе маленько подкачало...

– Ушел, падла, – огорченно констатировал один из грязных бойцов, когда серая фигура благополучно юркнула за ближайшие развалины. – Шустрый, падла!

– Готово. – Глебыч за десять секунд обезвредил «пояс шахида» на нашем пленнике (четыре двухсотграммовые тротильные шашки с простеньким взрывателем) и скомандовал: – А ну, все назад и легли. Быстро!

Бойцы удаляются, из здания КПП ворохом сыпанула отдыхающая смена, все торопятся к позициям соседнего ВОПа. Мы с Васей в процессе, никуда не торопимся. Вася контролирует бьющегося в рыданиях несостоявшегося шахида, а я, обессиленно привалившись к «таблетке», жадно глотаю стылый воздух. Мне сейчас как-то все поровну, я самый крутой молодец на этом участке трассы. Это я – Финист – Ясный сокол, богатырь былинный, блин! Всех подряд спас и выручил. Орден мне, орден! А лучше – премию. Это актуальнее.

Кроме того, я даже не допускаю мысли, что Глебыч может напортачить. Нет, понятно, бывают всякие случайности и неурядицы... но не с Глебычем. Он – лучший. Лучше сапера, чем он, в природе не существует, это аксиома.

Глебыч распахивает задние дверцы «таблетки» и производит поверхностный досмотр.

– Вот так, значит... Угу...

Глебыч аккуратно раздергивает саван на женском трупе, и взору моему предстает диковатая картина...

Вообще говоря, трупа нет. Есть старушечья мертвая голова, насаженная на стабилизатор авиабомбы, обмотанной бинтами. А внешне все это выглядело как тело. Носилки на распорках стоят, скрадывают подозрительную выпуклость корпуса...

– Нелюди, бя... – бормочет Глебыч, безо всякого пиетета перекусывая бокорезами провода, уходящие от взрывателя в полик. – Ничего святого нету...

Да, ничего святого. Хоть волосы и седые, но бровки у головы черненькие и густые, нос горбатенький такой, голова явно чеченского происхождения. Это ж как рука не дрогнула!

Однако – спасибо нелюдям. С мальчишкой они явно промахнулись. Не рассчитали маленько, надо было или совсем не посвящать в детали, или тщательнее проводить псих-подготовку. Для любого нормального мусульманина надругаться над трупом единоверца – огромный грех...

– Держи, пойду отвечу, – Вася кивает на КПП, откуда стационарный узел истошно выкрикивает наши позывные. – Чего-то у них там не так...

Я принимаю под контроль повязанного шахида, Вася бежит к КПП. Через несколько минут он выскакивает на крылечко и истошно орет:

– Механик «471» – ко мне! Экстренный выезд! Бегом, я сказал!!!

От ВОПа к КПП бежит замасленный комбез – механик БМП. Васю все знают, два раза повторять команду не надо.

– Тебя в попу ужалили? – флегматично интересуется Глебыч. – Чего разорался?

– На Южном – подрыв! – На Васе нет лица. – Вроде бы двенадцать «двухсотых»!

– Твою мать... – Глебыч пихает бокорезы в карман и призывно машет рукой. – Хлопцы, бегите сюда, тут все обезврежено. Принимайте, нам ехать надо.

Все, ребята, шутки в сторону, нам надо двигать на Южный выезд. Там дежурит вторая половина нашей команды: Петрушин, лейтенант Серега и Лиза. За самовольный уход с места службы, да еще с боевой техникой, нам наверняка достанется на орехи. Но это уже нюансы. Мы сейчас там нужнее.

И вообще, скверный сегодня выдался денек...

Глава 2

Рыжая Соня

«...Бурение на водонасыщенные горизонты осуществляется шнековым методом установками на базе а/м „ЗИЛ-131“. Шнек диаметром 180 мм с победитовой насадкой разбуривает породы грунта до песочного водонасыщенного пласта. Затем поднимается буровой инструмент и делается „обсадка“ стальной колонной, резьбовое соединение диаметром 127 мм с сетчатым латунным фильтром галунного плетения длиной один метр, который устанавливается в месте водопритока. Ниже сетчатого фильтра изготавливается отстойник, который после обсадки щебенится. Затем скважина прокачивается насосом типа „Малыш“ или „Ручеек“ до визуальной чистой воды и сдается ЗАКАЗЧИКУ...»

Наш народ, как ни странно, не утратил чувства юмора. Вот анекдот второй чеченской войны:

...Ночь. Чечня. Позиция артдивизиона. Возле костра сидят два офицера-артиллериста федеральных сил и, попивая паленую водку, от нечего делать играют в города:

– Знаменка. Называй на «А».

– Арсан-Юрт.

– Нет такого города!

– Как нет? А ну, что там у нас в графике артподготовки... Точно – нет! Ну, тогда – Ачхой-Мартан.

– Дай-ка график... Правильно! Такой пока еще есть...

...Мой город еще существует. Он плывет в призрачном туманном мареве. Зимой у нас часто бывают туманы – такая климатическая особенность. Куда плывет город, никто не знает, это военная тайна. Он, как Летучий Голландец, расстрелянный из пиратских пушек, тихо скрипит разрушенными домами-мачтами, покачивается на волнах тумана и плывет в свое гибельное никуда...

Это не бред, просто туман искажает перспективу, и кажется, что остовы серых домов слегка качаются. На душе тоже серо и тоскливо. Туман пропитывает тебя, как губку, раздает волю и тихо шепчет: умри, грязная тварь, зачем тебе жить?

Да, в такие дни мне больше всего хочется умереть. Забиться куда-нибудь в уголок, закрыть глаза, уснуть и больше никогда не просыпаться. Наверно, я бы так и сделала, но сейчас мне мешает чужое присутствие.

Рядом со мной, на водительском месте, восседает мой полный антипод. Симпатичный такой антипод, жизнерадостный здоровый мужчина, с породистым чувственным лицом и искрящимися от полноты бытия глазами. Он искренне считает, что является самым главным человеком этого мира, и надеется прожить как минимум сто лет. Умирать он явно не желает. Сейчас мужчина довольно мурлычет какую-то задорную мелодию и крутит баранку. Наша белая «Нива» едет в никуда, параллельным курсом с городом-призраком.

Вот такие мужчины настырно двигают Историю и не дают нам, кислым бабам, тихонько умереть в своем уютном уголке. При одном взгляде на такого типа сразу понимаешь: да, жизнь продолжается, надо спешить, рвать во все лопатки, строить планы, бороться. Спасибо вам, жизнерадостные оптимисты-головорезы! Не будь вас, мир давно бы уже перестал существовать.

Хочется по этому поводу сказать вам что-нибудь весомое и значимое. Что-нибудь... Что-нибудь по теме. Ну, например:

– Ты баран, Аюб.

– Не понял?

Самый главный человек в мире не готов к такому утверждению, ему кажется, что он ослышался. Подтверждаю:

– Ты баран и сын барана.

– Ты вообще понимаешь, что говоришь, женщина? – Ноздри горбатого носа хищно трепещут. – Ты знаешь, что я могу с тобой сделать за такие слова?

Этот мужчина «в авторитете», как у нас принято говорить. Он сильный, грозный и беспощадный, люди боятся и уважают его. И вообще, он мужчина – этим все сказано. Я – женщина, человек второго сорта. Вернее, третьего, потому что я, ко всему прочему, – вдова.

Но для Аюба и его людей я неприкасаемая персона. Потому что я – правая рука Деда. А этот уважаемый мужчина Аюб двадцать минут назад совершил непростительную глупость. Он, по простоте душевной, даже не догадывается об этом, но его глупость может стать причиной провала операции. Дед за такие вещи карает безжалостно.

– Самое большее, что ты можешь, – это поцеловать меня в задницу. – Я с ленивым презрением смотрю на дорогу, чувствуя, как щеку жжет наполненный жаждой мщения взгляд моего напарника. Напарник недолго косится на меня – ему тоже надо смотреть на дорогу, кроме того, он понимает, что я хамлю не просто так, от нечего делать.

– Я с нетерпением жду этой минуты, звезда моя. – Аюб, как по команде, гасит гнев во взоре, вкусно причмокивает губами и даже облизывается. Он и в самом деле давно хочет увидеть мою задницу. Будь его воля, он бы устроил мне веселое времяпрепровождение! – Ты только намекни... Скажи, а что я сделал не так?

– Мы два месяца потратили на этих парней, – терпеливо объясняю я. – Мальчишки – загляденье. Чистые, непорочные...

– Да, вы молодцы, умеете людей отбирать. – Аюб непонимающе хмурится. – И что?

– Мы их Кораном по самые уши накачали, – продолжаю я. – Хотя сейчас в медресе отправляй...

– Ну а я что сделал не так?! – теряет терпение Аюб. – Не тяни, женщина, говори прямо!

– А ты, сын барана, ничего лучше не придумал, как при Зауре старухе голову отрезать. Да еще со своими дурацкими шуточками...

– Слушай, хватит оскорблять, да! – Аюб досадливо морщится и стучает кулаком по баранке. – Он воин, мужчина! Такое на него не должно влиять!

– Ты одним движением своего ножа зачеркнул всю нашу подготовительную работу, – выношу я вердикт. – Он был готов. А ты за несколько секунд разрушил его веру в святость идеи.

– Так уж и разрушил! Тоже мне, святость нашла!

– Разрушил. Я видела его глаза, когда он садился в машину.

– Но мужчина...

– Да прекрати, ради Аллаха, – «мужчина», «мужчина»!!! Теперь, если он сорвет акцию, ты, лично ты, ответишь перед Дедом...

Аюб хмурится, молчит, уже не косится на меня. Я тоже молчу. В том, что случилось, есть часть моей вины. Я опоздала. Приехала в морг на десять минут позже. Смотрю, Лечи стоит у машины один. «Где Заур?» – спрашиваю. «С Аюбом пошел». Я туда смотрю – там уже все сделано. А этот придурок еще шутит: типа, остальной труп тоже в дело пустим, жижиг-галныш сделаем. На Заура и не смотрит.

А зря. У парня в глазах – мир перевернулся с ног на голову. Полное смятение. Мы ведь его готовили по «чистому» пути, ему осталось только тумблером щелкнуть...

– Ладно, красавица моя, – через некоторое время до Аюба наконец доходит. – Что сделано, то сделано. Давай так: я тебя прошу, не будем Деду говорить об этом. Ладно? Я в долгу не останусь, ты знаешь...

– Это будет зависеть от результата акции, – непримиримо заявляю я. – Если все пройдет гладко, я забуду об этом. А сейчас давай сделай дурацкую рожу – подъезжаем...

Мы приближаемся к южному выезду из города. Здесь самый большой и хорошо охраняемый КПП. Это своеобразный форпост федералов: здесь берет начало дорога в мятежную горную Ичкерия³. В этом месте, образно выражаясь, заканчивается федеральное влияние. Это только образно – на самом деле такого влияния вообще нет. Федералы охраняют самих себя, далее сфера их интересов не распространяется: даже самые высокие федеральные марионетки местного разлива вынуждены самостоятельно заботиться о своей безопасности.

На КПП нас поверхностно досматривают, не проявляя особого рвения. Заглянув в термос с горячим супом, омоновец спрашивает:

– Ну что, скоро там вода будет?

– Скоро, – серьезно отвечает Аюб. – Дня через три доберемся...

Привычка – хорошее дело. Очень помогает при подготовке к акциям. К нам привыкли, мы здесь четвертый день катаемся. В трехстах метрах отсюда, на пустыре, работает буровая установка на базе военного «ЗИЛа-131». Бригада в составе трех человек бьет артезиан якобы для новой водонапорной башни. Документы в порядке: есть распоряжение администрации, договор с Кавказгеоспецстроем, разрешение коменданта.

Людям патологически хочется верить в доброе. Никто из федералов почему-то не обратил внимание на два скользких аспекта в этой ситуации.

Во-первых, у нас, если есть деньги, очень легко провести *любые* документы. Комендант подмахивает разрешения, не читая, в администрации всегда есть свои люди, и так далее. По телевизору регулярно со скорбью в голосе сообщают: ах, ах – в Чечне опять обнаружены махинации с субсидиями на разрушенное жилье (пенсиями, гуманитарной помощью, зарплатой и так далее – смотри полный список в разделе «социальная сфера» соответствующего документа). Ай, какая неожиданная новость! Смешно...

Во-вторых, никто не задумался над целесообразностью оборудования артезианской скважины именно в этом месте. Результаты разведки водоносных пластов никто не затребовал, есть они здесь или нет – один Аллах знает. Зато каждый местный вам с уверенностью скажет: бурить в этом районе – очень небезопасное занятие. Запросто можно на газовый «карман» напороться. А это чревато самыми печальными последствиями.

В общем, подготовка к операции проходит практически в идеальных условиях. Никаких препятствий, несмотря на объявленное федералами усиление, нет. Утром Аюб привозит сюда буровую с бригадой, в обед – от двенадцати до трех дня, по-разному, – меня с горячей пищей. Тоже мне, Манька-повариха...

Обед – еще одна привычка федералов, полезная для нашего дела. Это обыденно, не внушает опасений и некоторым образом успокаивает. Не нашлось у федералов знатока местных обычаев, который сразу бы обнаружил подвох. На буровой-то работают чеченцы. А для любого нормального горца обед – что для неверного намаз! Искони сложился распорядок: горец завтракает до свету, весь день занят делами, может мимоходом что-нибудь перехватить на скорую руку. Основной прием пищи, с обязательным горячим блюдом, – ужин. Вечер, никуда спешить не надо, можно сидеть в кругу семьи и неторопливо насыщаться. Вот так у нас принято...

Как я уже говорила, на буровой работают трое. Двое обычных бойцов и один особый. Это наш шахид – Муслим.

³ «Ичкерия», по большому счету, – это село Ведено, Веденский и часть Ножай-Юртовского района. «Ичкерия» по-кумыкски означает «внутренняя земля». Коренные чеченцы не говорят про свою страну «Ичкерия». Это кому-то из руководства пришло в голову поименовать так всю Чечню. Конечно, звучное название. Лучше, чем, например, Нохчийче (жилище чеченцев).

За Муслима я не беспокоюсь, Аллах миловал, не попал мальчишка в одну компанию с головорезом Аюбом. Этот пункт нашей подготовки можно смело считать одним из самых надежных, потому что я занималась им лично сама.

В честь нашего прибытия бойцы заглушили мотор работающего «ЗИЛа» и вытащили канистру с водой – сполоснуть руки. По-хорошему, надо бы нормальное омовение сделать да на молитву присесть – они не просто так болтаются, шахид с ними! Но тут условия не позволяют, поэтому придется обойтись без этого.

– Проверяли? – интересуется Аюб.

– Нет, сегодня не проверяли. Недосуг, видимо.

– Надо же! – удивляется Аюб. – Какие добрые! Ну-ну...

Федералы с КПП каждый день проверяют, чем тут наши занимаются. В первый день вообще три раза приходили. А сегодня не удостоили вниманием. Буровая стала обыденностью. Хороший знак.

– Как ты? – ласково обращаюсь я к шахиду.

– Нормально. Я готов...

Мальчишка бледноват, но держится молодцом. Он одет во все чистое, только спецовку скинуть. Парень три дня постился, отсюда бледность.

Из уважения к шахиду бойцы выливают суп в яму. Вчера и позавчера тоже так делали. Они едят серый лаваш с зеленью и сыром и то отходят в сторонку, чтобы не смущать нашего героя.

Пока бойцы перекусывают, Аюб занимается делом. Он удаляется в глубь пустыря на тридцать шагов, снимает штаны и присаживается – вроде бы по большой нужде. Аюб плохо «замаскировался» – я его вижу, но делаю вид, что не замечаю, смотрю в другую сторону. Если сейчас федералы с КПП смотрят в бинокль, им, наверно, очень смешно. Живописная такая картинка: нохчо-богатырь, обделавшийся в панораме серого пустыря...

Аюб между тем привязывает к ноге капроновый шнур, натягивает штаны и идет обратно. Сегодня ночью он доставил сюда закладку и замаскировал ее. Колоссальная работа, под силу только такому здоровяку: пришлось с километр идти с черепашной скоростью, волоча тяжелый груз, а последние несколько сот метров вообще ползти.

«ЗИЛ» стоит задними габаритами к КПП. Это дополнительная гарантия спокойствия для федералов. Машина громоздкая, в «расшпиленном» состоянии, да еще и задом к объекту. Никому и невдомек, что накануне с машиной поработали наши мастера, и теперь достаточно трех секунд, чтобы она отделилась от буровой установки.

Аюб, поравнявшись с передним бампером, ловко цепляет конец шнура к лебедке – всего на три секунды задержался. Затем он выходит из-за мотора и призывно машет рукой. Типа, прекращайте чревоугодием заниматься, пора работать.

Бойцы быстренько завершают свой «обед» и запускают двигатель. Спустя несколько секунд к машине «приезжает» заготовка – резиновая камера с тротилом. Общий вес – пятьдесят кг. Вот так все просто, проверяйте хоть каждый день...

Один из бойцов хлопает ладонью по капоту и огорченно разводит руками. Мол, упрямится железный конь, неполадки какие-то. Это перестраховка – моторная часть с КПП не видна, но каждый играет свою роль в соответствии с расписанным сценарием.

Аюб «помогает» – забирается на бампер и принимается ковыряться в моторе. На размещение и подготовку взрывчатки у него уходит четыре минуты. Молодец, Аюб, он хоть и сын барана, но мастер своего дела. Приятно с таким работать.

Вот капот захлопнулся, Аюб спрыгнул на землю. Все, можно ехать.

– Сегодня твой день, – говорю я на прощание шахиду. – Вот я стою рядом с тобой... и уже сейчас начинаю ощущать запах мускуса⁴! У тебя все получится. Весь народ с замиранием сердца следит за твоим подвигом.

– Я готов, – недрогнувшим голосом отвечает Муслим. – Я все сделаю как надо...

Мы возвращаемся. На КПП нас не досматривают, машут ручкой – проезжайте. Спасибо. Хорошее дело – привычка.

Метрах в трехстах от КПП, по дороге в город, расположена чайхана. Здесь начинается жилой квартал – в домах, меньше других пострадавших от бомбежки, ютятся люди.

Аюб загоняет «Ниву» на небольшую стоянку и глушит мотор. Здесь нас ждет Шапи, он приехал на грязной старенькой «шестерке» бежевого окраса и привез мне портативную видеокамеру.

Мужчины заходят в чайхану. Мне очень хотелось бы выпить стакан горячего сладкого чая, но я остаюсь в машине – дела в первую очередь. Да и женщина я, негоже мне с мужиками.

Чайхана вполне безопасное место. Сюда часто заходят федералы, КПП рядом, они чувствуют себя здесь как дома. И поэтому не проявляют особой бдительности.

Примерно через полчаса мне на мобильный звонит наш разведчик Ахмед:

– Едут к вам. Будут минут через пятнадцать.

Все, фаза подготовки завершена. Настало время действовать. Я звоню Лечи и спрашиваю:

– Вы готовы?

Это вторая группа, они работают на Северном КПП.

– Давно готовы, – сообщает Лечи. – Можно?

– Как Заур?

– Нормально. Только бледный немного.

– Бледный?

– Ну, конечно, бледный! Если человек не жрет ничего трое суток...

– Выбирай слова, Лечи. Наверно, ты хотел сказать – «поститесь»?

– Ммм... Да, именно это я и хотел сказать. Короче, в порядке он, все нормально.

– Хорошо. Минут через десять можете начинать...

Вот в чайхану вошла очередная федеральная тройка. Двое здоровенных мужиков, один из них совсем юный – он как-то странно посмотрел на меня, как бы оценивая. Может, я ему мать напомнила? Даже у такого должна быть мать... Третья у них... женщина. Худенькая, бледненькая, аристократического типа личико, беретка надета набекрень, кокетливо так... Странно, что делает с этими зверюгами такая дамочка? Впрочем, это не так важно – пора работать.

Я подхожу к окну и зову мужчин. Аюб определяет место, где его подобрать, садится в «шестерку» и едет по улице прочь от КПП – разогнаться. Минут через пять мы с Шапи на «Ниве» выезжаем по узкому переулку к окраине. Отсюда хоть и далековато, но хорошо просматривается КПП и наша буровая установка. Это место я выбрала заранее, сейчас я стою под прямым углом к основной трассе, КПП и буровая от меня примерно на одинаковом расстоянии. Хороший ракурс для съемки.

– Вот они, – нервно бормочет Шапи.

К КПП приближается кавалькада: два «Ниссана Патрола» и микроавтобус «Форд».

Вот она, основная цель, ради которой и затевалось все мероприятие. Это межведомственная комиссия по проверке работы контрольно-пропускных пунктов и блокпостов, приуроченная к приезду Грызлова. Состав внушительный: первый зам Кадырбекова, замми-

⁴ По преданию, тело шахида после смерти издает запах мускуса.

нистра внутренних дел ЧР, замкоменданта Грозного и замкомандующего группировкой. Большие люди. В микроавтобусе охрана – кадырбековские гвардейцы.

Вся наша кропотливая работа, разумеется, – это большое и важное дело. Но без своевременно добытой информации она превратилась бы в хаотичные, безадресные акции (примеров таких глупых самопожертвований – несть числа!).

Информацию о работе комиссии мы получили от своего человека в администрации. Товарищи хотят показать всем, что являются здесь хозяевами: раскатывают в таком составе, без военной охраны и бронированной техники, рассчитывая, что неожиданность обеспечит их безопасность. В общем, обычная пиаровская акция, в свете рекламной кампании грядущего мартовского референдума. Людей останавливают, спрашивают: не обижают ли вас вояки на КПП? Ха-ха три раза...

Наша акция – ответ на вашу акцию. Сейчас мы вам покажем, где мы видели ваше усиление и кто вообще в доме хозяин...

Из «внедорожников» выходят большие люди. Вся охрана из микроавтобуса не вываливается, вышли только двое мордovorотов, встали по обеим сторонам дороги и активно крутят головами.

Я включаю запись и навожу объектив на КПП. Время начала акции мы конкретно не определяли: все ориентируются на Аюба.

«Вв-вууу!!!» – а вот и Аюб. На улице, что пролегает мимо чайханы, появляется затрапезная «шестерка» и, быстро разгоняясь, несется к КПП. Машины подобного типа у федералов на особом счету: именно на таких вот были совершены несколько последних акций.

– Аллах Акбар... Аллах Акбар... – в смятении шепчет Шапи – переживает, бедолага.

Надо отметить, что особой паники на КПП я не наблюдаю. Напротив, все действуют слаженно, как будто неделю готовились к этому! Пушки БМП разворачиваются в сторону чайханы, из «Форда» выметается охрана, волокут больших людей за машины... И в несколько секунд все сосредотачиваются на той стороне дороги, задницами как раз к нашей буровой.

«ЗИЛ» отделяется от буровой установки, делает вираж и начинает движение к КПП. Мне кажется, что все это происходит с чудовищной медлительностью. Если бы он сделал это в обычном режиме, его бы десять раз расстреляли из БМП. Но сейчас наводчикам не до «ЗИЛа», в ту сторону вообще никто не смотрит, есть забота поважнее...

Сразу за чайханой Аюб вываливается из «шестерки», делает пару кульбитов не хуже профессионального каскадера и юркает за бетонный забор. «Шестерка» продолжает самостоятельно мчаться к КПП. Что он там положил на газ и как укрепил руль, я не вдавалась, это его дела. Но машина идет ровно – здесь прямой отрезок шоссе – и может долететь до самых «рогатов».

«Та-та-та!!! Та-та-та!!!» – самые быстрые у КПП успели изготовиться и лупят из автоматов.

«Бух!!!» – наводчик не смог как следует прицелиться, снаряд улетает в один из жилых домов. Так вы полгорода перебьете, убогие! У вас еще есть право на один выстрел, потом будет поздно – для своих же небезопасно.

«ЗИЛ» продолжает приближаться к КПП – в ту сторону по-прежнему никто не смотрит...

– Аллах Акбар... Аллах Акбар!!! – как заклинание бормочет Шапи.

«Бух!» – все, нет «шестерки». Все-таки хорошие у них наводчики, зря я их ругала. Прямое попадание, град медленно оседающего металла, колесо летит куда-то вверх...

– Ай! – тихонько пищит Шапи и зажмуривается.

Я направляю объектив точно на микроавтобус. Спустя секунду в группу людей, прячущихся за ним, на полном ходу влетает наш «ЗИЛ».

«Бу-бух!!!»

Огромный дымный гриб вспучивается над тем местом, где только что стояли машины и прятались большие люди. Снимать далее бессмысленно, там сейчас ничего не видно. Я стою еще несколько секунд, машинально направляя объектив на КПП... Никаких признаков жизни я там не наблюдаю. Бойцы от буровой могут уходить пешком и в полный рост – теперь тем, кто там выжил, долго будет не до них.

Ну вот, мы сделали свое дело. Показали, кто в доме хозяин. Можешь гордиться, Россия, – мы отдаем тебе самых лучших своих сыновей...

Глава 3

Команда

«...Сводка о состоянии оперативной обстановки в Чеченской Республике на 16 декабря 2002 года⁵».

Ситуация в зоне ответственности ОГВ(с) остается напряженной. Управлением ФСБ предотвращено распространение и оперативным путем получен экземпляр листовки «Убийцы предлагают референдум», подготовленной к распространению в местах массового скопления людей в период проведения в Гудермесе съезда представителей чеченского народа. В ее тексте от имени Государственного комитета обороны Маджлисуль Шуры референдум по вопросу принятия Конституции ЧР преподносится как «новый план подавления мусульман для достижения своих политических целей» и как «документ, узаконивающий убийство чеченского народа перед всем миром». В адрес лиц, оказывающих содействие в организации и проведении референдума, высказываются угрозы расправы в соответствии с «законом шариата».

По имеющимся данным, эмиры ваххабитских джамаатов считают недопустимым принятие Конституции ЧР, потому что она будет способствовать нормализации обстановки в республике и повлечет поддержку большинством ее жителей федеральной власти, что совсем не нужно боевикам. В связи с этим бандиты планируют провести в течение декабря 2002 – марта 2003 года ряд «особо важных» мероприятий по срыву референдума, которые «потрясут весь мир».

В настоящий момент главарь бандформирований продолжают обычную террористическую деятельность в отношении военнослужащих федеральных сил, представителей органов власти и населения Чеченской Республики. В арсенале террористов по-прежнему остаются минирование маршрутов движения войсковых колонн, обстрелы подразделений и объектов ФС, похищения людей. В последнее время также отмечаются случаи самоподрыва боевиков у КПП федеральных сил и в местах скопления военнослужащих и боевой техники. Эти проявления носят явно «импортный» характер, так как такого рода самоубийственные поступки не свойственны благоразумному чеченскому народу. По данному направлению органами ФСБ проводится тщательная работа, которая обещает дать результаты уже в ближайшее время.

О готовности боевиков к совершению террористических актов свидетельствуют тайники и схроны, оставленные ими как в населенных пунктах, так и в непосредственной близости от них. За прошедшие сутки девять бандитских закладок обнаружены в Гудермесе, Грозном, в н. п. Пригородное, Старые Атаги Грозненского (сельского), Автуры Шалинского, Белоречье и Октябрьское Курчалойского районов.

Практически во всех схронах подразделения федеральных сил находят большое количество взрывчатки и взрывчатых веществ, провода и детонаторы, комплекты военной формы.

Управлением ФСБ и подразделениями милиции организован розыск преступников, которые днем 14 декабря из гранатомета обстреляли здание отделения партии «Единая Россия» в Гудермесе. Пострадавших нет. В помещении актового зала выбиты окна и двери. Установлено, что выстрел был произведен из разрушенного здания детских яслей. В ходе осмотра места стрельбы обнаружены аккумулятор, радиостанция и тубус «РПГ». По

⁵ Здесь и далее: официальные сводки из архива пресс-службы ОГВ(с).

имеющейся информации, эта провокация одна из первых, которые боевики готовят по срыву референдума по принятию Конституции Чеченской Республики.

На одном из перекрестков Грозного сработал радиоуправляемый фугас. В момент взрыва никаких транспортных средств в радиусе действия самодельного взрывного устройства не было. Пострадавших нет. Сотрудниками УФСБ организован розыск преступников, готовивших диверсионно-террористический акт.

В Урус-Мартане из тайника изъяты автомат «АКС-74», 500 патронов калибра 5,45-мм, гранатометы «РПГ-22» и «ГП-25», выстрелы к ним, граната «Ф-1», прибор ночного видения, а также радиостанция.

Совместной оперативной группой Управления ФСБ и милиции в Аргуне из двух тайников изъяты пулемет «ПК», автомат «АК-74», самодельный пистолет под патрон калибра 7,62 мм и 2160 патронов калибра 5,45.

В результате совместных действий подразделений ФСБ и военнослужащих около селения Аллерой Ножай-Юртовского района обнаружена база НВФ. Находящиеся на ней бандиты оказали вооруженное сопротивление и были уничтожены. Также уничтожен блиндаж с оружием и запасами продовольствия.

В Ножай-Юртовском районе в ходе специальной поисковой операции УФСБ во взаимодействии с подразделениями военной комендатуры и временного отдела милиции в селении Бетти-Мохк обнаружен тайник, из которого изъяты 82-мм минометные мины, две гранаты «РГН», две тротильные шашки по 200 г каждая. На северной окраине селения Галайты у реки Аксай обнаружен схрон с пятью 30-мм снарядами и 250 патронами калибра 5,45 мм.

На окраине селения Гиляны в тайнике найдены двенадцать гранат «Ф-1» и 1400 патронов калибра 5,45. Боеприпасы уничтожены на месте обнаружения путем подрыва.

В рамках выполнения Постановления Правительства ЧР о борьбе с незаконным нефтебизнесом Управлением ФСБ совместно с подразделениями внутренних войск в районе селений Побединское и Гикаловский обнаружено и ликвидировано восемь мини-нефтеперегонных установок общей емкостью 25 тонн.

Совместной оперативной группой УФСБ и временного отдела внутренних дел на окраине селения Закан-Юрт уничтожен мини-нефтеперегонный завод емкостью до 10 тонн.

Боевики по-прежнему пытаются запугать местных жителей и скомпрометировать подразделения федеральных сил. С этой целью бандиты совершают похищения людей, используя военную форму и символику российских военных. Активизация террористической деятельности бандгрупп отмечается в Наурском районе Чечни. В населенных пунктах Наурская, Ульяновское и Мекенская бандитами похищены пятеро местных жителей.

Сильные холода заставляют боевиков искать «средства к существованию». В Ачхой-Мартановском районе бандиты ведут целенаправленный грабеж среди местного населения. У жителей н. п. Самашки ими «конфискуются» не только деньги, продукты питания, скот и теплые вещи. В последнее время боевики все чаще ищут в домах лекарства, обезболивающие и противомикробные препараты.

В Чеченской Республике завершен осенний набор граждан на военную службу. В канун Дня Конституции Российской Федерации в военный комиссариат ЧР прибыла последняя группа чеченской молодежи. Дальнейшую службу 55 юношей будут проходить в стрелковых ротах в районных комендатурах Чечни. Осенний набор прошел в республике организованно, без нарушений и происшествий. Работники военкомата отмечают, что чеченская молодежь пришла на призывные участки сознательно и добровольно. Как говорят сами призывники, они готовы принять присягу и приступить к несению службы.

Пресс-служба ОГВ(с).

* * *

«...В связи с трагическими событиями в театральном центре на Дубровке (м. „Норд-Ост“) рекомендуем команде № 9 сосредоточить все усилия на изучении феномена т. н. „шахидов“. Особое внимание советуем обратить на исследование социально-бытовой сферы, в части, касающейся т. н. „сестер“, или попросту – вдов полевых командиров. Советуем серьезно отнестись к данной проблеме, поскольку имеется тенденция к ее глобализации. Напоминаем, что основной ударной силой отряда Бараева, захватившего театральный центр, являлись именно „черные вдовы“ – смертницы...»

Полковник Иванов еще раз перечитал распоряжение и гнусно ухмыльнулся.

– Ну, энтомологи хреновы... Вывели, значит, новую разновидность: «черная вдова-смертница»! Гы-гы... Интересно, каким там местом ваши профессора Персиковы груши окочивают?

Иванов – товарищ жутко начитанный и несоразмерно для офицера контрразведки образованный. Разумеется, так величать террористок только за то, что они одеты в черное, сам бы он не стал.

Этак вот изуверски обозвать вдов чеченских полевых командиров мог только донельзя приподнятый над оперативной обстановкой товарищ. Товарищ, ко всему прочему, знакомый с горской тематикой лишь по красочным буклетам хиреющих турфирм Приэльбрусья.

– Гы-гы... – задумчиво повторил Иванов, уставившись на текст распоряжения.

Полковник, имевший феноменальную память, неслабо учился в школе и даже сейчас, спустя столько лет, мог процитировать примерное определение из зоологии:

...Во время ухаживания тарантулы приходят в сильное возбуждение, и в течение 20—30 минут спаривание происходит 10—12 раз подряд; после этого самец быстро убегает от самки, так как она сразу после спаривания нападает на него и съедает. Отсюда название – «черная вдова»...

Иванов, обладавший развитым воображением, как ни старался, не мог представить себе эту безобразную картинку. Младой проворный горец, оприходовав за полчаса юную невесту десять раз, хватает бурку и нагишом сигает в окно. И зигзагами бежит к распадку. Невеста с дедовским кинжалом преследует его, кровожадно сверкая очами. Все это действие сопровождается страстными гортанными криками. Занимательно, не правда ли?!

В целом все в распоряжении было верно и актуально. Но вот эта маленькая «плюшка» придавала, в общем-то, правильному и суровому документу оттенок какой-то клоунской несерьезности...

– Абыдна, да! Большие люди, а такие «залепухи» мочат...

Полковник только что вернулся в Ханкалу из Моздока, где получал совершенно секретный инструктаж от спецпредставителя Президента по ЮФО.

Спецпредставитель – молодой, пробивной и чудовищно перспективный тип (из бывших чекистов, как водится). Страшный циник, к людям относится сугубо утилитарно: есть польза – я тебя люблю, нет – пошел в задницу. Чинопочитания не приемлет, требует, чтобы его называли по имени.

– Какой смысл в величании? Зовите меня просто – Витя. Я младше вас. От меня пользы меньше. Как вы там работаете, меня абсолютно не колышет, можете целыми днями водку пить и спать. Но если не будете давать конкретный результат, звать меня вы не будете вообще никак. Потому что мы с вами тут же расстанемся...

Вопреки обыкновению, Витя не стал обыгрывать начальственную «плюшку», хотя слыл большим любителем по этой части. Был он деловито возбужден, глазенки горели в предвкушении реализации грандиозного плана.

– Если мы накроем этих шахидмейкеров – будем кругом в орденах. Надо все бросить и заняться. Чует сердце – не наше это. Опять вражьи происки...

Конкретный Витя, как обычно, чуял в наметившейся проблеме сугубо импортный запах (на другие аспекты он просто не обращал внимания). Интифада пришла в Чечню? Да как бы не так! Приехали импортные спецы, «проплаченные» заинтересованными лицами, балуются перед референдумом. Руководство желает исследовать социальную сферу – на здоровье, кто против? Мы будем исследовать, но между делом, для отчета. А на самом деле все силы бросим на «выводку» и поймку вот этих самых «шахидмейкеров».

– Представляете, какой будет резонанс, когда мы отловим этих мерзавцев? Ух! ФСБ умрет от зависти...

Иванов хоть и рад был наметившейся конкретной работе, начальственным энтузиазмом не заразился, поскольку иллюзий по данной проблеме не строил. Знакомая картина: вкалывать придется команде, добиваясь результата правдами и неправдами, а все лавры достанутся Вите. Обещать они мастера: трехкомнатная квартира в Москве и генеральская должность в Управлении как основной стимулирующий элемент опять благоразумно перенесены до «завершения полного цикла функционирования команды». Интересно, когда же этот цикл завершится?

– Хорошо, мы сделаем все, что в наших силах. Можете не сомневаться...

Да, вопрос: почему полковник обрадовался? Ну, тут все просто, дорогие мои. Иванов – офицер старой закалки. Бездельничать и числиться в нахлебниках не привык. А в последние два месяца приходилось довольствоваться именно этим статусом.

Команда № 9 была создана в августе сего года стараниями пробивного Вити для решения ряда «неспецифических задач». По большому счету, конечно, Витя старался сугубо для себя, работал исключительно на поднятие своего рейтинга. Но результат превзошел все ожидания. Команда вычислила резидентную сеть, отловила самого резидента, «вывела» высокопоставленного предателя в наших рядах и уничтожила банду «оборотней», работавших на подрыв репутации наших славных федеральных сил⁶. Начальство было в трансе – никто не ожидал такой прыти от «сливок» войсковой и ведомственной «отрицаловки».

Кстати, самое время поближе познакомиться с личным составом команды. Те, кто читал первую книгу, смело могут две последующие странички пропустить. Они для тех, кто имеет дело с нашими примерными хлопцами впервые.

Прошу любить и жаловать: вот некоторые данные на членов команды № 9, или, как официально она значится в приказе, «оперативно-аналитической группы неспецифического применения»...

Семен Глебович Васильев. Сорок один год, холост. Подполковник, начальник инженерной службы ДШБр (десантно-штурмовая бригада). Специализация – взрывотехника. Соавтор семи пособий по саперному делу. Во время прохождения службы в Афганистане был два месяца в плену. Каким-то образом ухитрился взорвать базу моджахедов, на которой содержался. Бежал, прихватив с собой двух оставшихся в живых контуженых охранников, месяц прятался в горах. Непонятно, как выжил, ушел от всех облав, добрался до своих, в процессе путешествия обоих моджахедов... съел. После лечения в психбольнице вернулся в строй, живет в горячих точках, дома – проездом. Хобби: любит в пьяном виде с завязанными глазами разминировать МВУ (минно-взрывные устройства) повышенной категории сложности. Известный шутник. Последняя шутка, ставшая достоянием широкой общественности:

⁶ Подробнее – «Приказ: огонь на поражение».

во время основательного застолья с двумя наикрутейшими спецами из Генерального штаба (один из них – как раз тот самый соавтор, который оформлял пособия), прибывшими проводить сборы с саперами, незаметно заминировал вышепоименованных спецов, предложил обезвредить взрывное устройство и дал на это дело две минуты...

Спецы не справились. Оба живы – вместо ВВ Глебыч использовал пластилин, отделались ожогами от слабеньких самопальных детонаторов. Вот такой затейник. Болезненно संबодолюбив, не выносит хамов, отсюда постоянные конфликты с начальством. Терпят исключительно ввиду высочайшего профессионализма – другого такого во всей группировке нет.

Петрушин Евгений Борисович. Тридцать шесть лет, холост. Майор, зам по БСП (боевая и специальная подготовка) командира седьмого отряда спецназа ВВ. Профориентация – специальная тактика. Живет там же, где и Глебыч, дома – проездом. В первую чеченскую три недели был в плену, сидел практически в самой южной точке республики, высоко в горах. Не укокошили сразу только потому, что хотели обменять на известного полевого командира. Посидел три недели – надоело, вырезал всю охрану и удрал. Обозначил ложное направление движения, обманул погоню, забрался во двор хозяина района – одного из полевых командиров, укокошил охрану, самого командира взял в заложники и, пользуясь им как живым щитом, на его же джипе добрался до расположения наших. Командира сдавать не пожелал – застрелил на глазах бойцов блокпоста. Видимо, был не в настроении.

Хобби – пленных не брать. Вернее, брать, но до штаба не довозить. Есть информация, что лично любит пытать пленных и вообще слывет мастером допросов. Даже самые крутые горные орлы «раскалываются» на пятой минуте общения. Видимо, отсюда и прозвище – Гестапо. Обладает молниеносной реакцией, специалист практически по всем видам стрелкового и холодного оружия, бесстрашен, беспощаден к врагу и слабостям соратников. Персональный кровник девяти чеченских тейпов. Имеет маленький пунктик: вызывать на дуэль плохо обращающихся с ним старших чинов. Понятное дело – на дуэль с этим головорезом согласится не каждый, да и закона такого нету! Но прецедент, как говорят, место имеет...

Воронцов Константин Иванович. Почти тридцать шесть лет (22 декабря будем праздновать именины), женат, двое детей. Майор, военный психолог. Кадровый военный, психологом стал, заочно окончив столичный пед. Единственный в войсках доктор наук, проходящий службу в действующей части.

В свое время являлся объектом повышенного интереса со стороны соответствующих спецслужб. Причиной столь пристального внимания к заурядному майору стали его самовольные потуги на научном поприще. Тема кандидатской: *«Влияние инфантилизма нации и деградации общества на боеспособность ВС (вооруженных сил)»*. Каким-то образом упорный вояка сумел доказать ученому совету РАН, что ввиду перечисленных в заглавии факторов качество нашего призывного контингента из года в год ухудшается в геометрической прогрессии. И на данный момент оно – того... короче, совсем поплохело. Из материала диссертации следовало, что 90 процентов призывников по своим психофизиологическим параметрам соответствуют примерно уровню двенадцатилетних подростков середины восьмидесятых... Нормально? И вот эти большие дети не способны не то что выполнять служебно-боевые задачи даже в мирное время, но и самостоятельно позаботиться о себе! Посему, если мы не собираемся тотчас же переходить на профессиональную армию, призывать на службу – с учетом указанных в заглавии факторов – нужно не ранее, чем в двадцать пять лет.

Согласитесь – крамола полнейшая. Только со всех сторон аргументированная и подкрепленная фактами... Кандидата Воронцову присвоили, но с условием, что он никогда не будет по данному вопросу дебатировать в СМИ и вообще забудет о своей теме.

Спустя полгода после завершения первой чеченской Воронцов опять взялся за свое – выдвинул на докторскую новую тему с малопонятным для штатских и внешне вполне без-

обидным заглавием: «Профилактика БПТ при выполнении СБЗ в отрыве от ППД». Расшифруем: БПТ – боевая психическая травма, СБЗ – служебно-боевые задачи, ППД – вы в курсе, пункт постоянной дислокации.

При рассмотрении диссертации оказалось, что противный кандидат не желает униматься. Дескать, каждый из этих небоеспособных детей (см. тему № 1), впервые убив врага на поле боя, получив ранение либо пережив плен или гибель товарища, становится жертвой сильнейшего психотравмирующего события. И таким образом автоматически попадает в разряд психбольных с выраженной тенденцией к обострению. То есть становится социально опасным типом. Как лечить подобные заболевания, давно известно: нужно немедленно изъять больного из среды, которая породила психотравмирующее событие, создать благоприятные условия и методично заниматься вытеснением этого события из сознания и замещением его нейтральным или положительным, так сказать, материалом.

Получался полнейший нонсенс. Если взять за основу утверждение Воронцова, практически всех солдат и сержантов срочной службы, что находятся в районе выполнения СБЗ (а это восемьдесят процентов всего личного состава!), следует немедленно вывести из зоны боевых действий и поместить в стационарные психлечебницы! С одной стороны, конечно, верно: прежде чем лечить, надо изъять. Вопрос: а кто тогда воевать будет? Согласитесь, это уже не просто крамола – тут все гораздо серьезнее...

Доктора Воронцову дали. Теме тотчас же присвоили закрытый статус и взяли подписку о неразглашении. И попросили: ты, коллега, того... Ты вообще военный или где? Если военный – то воюй себе, нечего тут народ смущать. И не ходи сюда больше. Мы тебя заочно будем любить, на расстоянии. А командованию порекомендовали принять меры.

Вот такой славный психолог. Среди своих имеет обусловленное профессией прозвище – «Псих», или «Доктор». Помимо диссертаций, есть еще отклонение: страшно не любит тупых начальников и подвергает их всяческой обструкции. Прекрасный аналитик, мастер психологического прогноза, спец по переговорам. В начале второй кампании попал в плен: взяли в заложники на переговорах. Посидел пять дней, от нечего делать расколупал психотипы охранников и каким-то образом умудрился так их поссорить меж собой, что те вступили в боестолкновение с применением огнестрельного оружия. Проще говоря, перестрелялись. Психолог, воспользовавшись суматохой, завладел оружием одного убитого стража и принял участие в ссоре – добил двоих раненых. И удрал, прихватив с собой других пленных. Короче, хороший солдат.

Следующий член: Василий Иванович Крюков. 27 лет, холост. Капитан, ВРИО начальника разведки энской бригады. На должность назначать стесняются: молодо выглядит, говорят, да и вообще... хулиганит маленько. Имеет репутацию отъявленного грубияна и задиры.

Потомственный сибиряк-охотник, мастер войсковой разведки, злые языки утверждают – мутант-де, ночью видит, нюх как у собаки, вместо гениталий – радар, типа, как у летучей мыши. Может бесшумно перемещаться по любой местности, сутками напролет лежать без движения, прикинувшись бревном, «читать» следы и так далее. Дерсу Узала, короче, – войскового разлива.

В жизненной концепции Крюкова отсутствует пункт, необходимый для успешного продвижения по службе. Вася не признает чинопочитания и относится к людям сугубо с позиции человеческого фактора. Если человек достойный, но всего лишь солдат, Вася будет пить с ним водку и поделится последней банкой тушенки. Если же это генерал, но хам и «чайник» в своей сфере, Вася запросто выскажет ему в лицо свое мнение или просто пошлет в задницу. В общем, тяжелый случай.

Если подходить к вопросу с официальной точки зрения, Вася – военный преступник и полный кандидат в группу «Н»⁷ (склонен к суициду). Примеры приводить не станем, это долгая история. Вот наиболее яркий: как-то раз, чтобы разгромить базу боевиков, скоординировал нашу артиллерию метр в метр на точку своего нахождения!

Теперь пара слов о «смежниках». Информации немного, но характеризующие моменты присутствуют.

Лейтенант ГРУ – Сергей Александрович Кочергин. Выглядит как минимум на двадцать пять. На самом деле имеет от роду неполных двадцать. Акселерат! Студент-заочник МГИМО. Из семьи высшего столичного света. Холост, естественно.

Вопросы: зачем такого салагу дали в команду? В ГРУ что – ветераны кончились? Почему аттестовали на офицерское звание в таком возрасте да еще до окончания вуза? И вообще, как мама с папой на войнупустили? Пока непонятно.

Плюсы: свободно владеет чеченским, английским, арабским и фарси. Отменный рукопашник и стрелок. В совершенстве знает компьютер. В общем, полезный малый. Минусы: один так себе, а другой несколько настораживает. Так себе: избил двоих полковников своего ведомства, якобы оскорбивших его сослуживца. Настораживает: по оперативным данным – хладнокровный и расчетливый убийца. Имеет место какой-то расплывчатый московский эпизод с десятком трупов чеченской принадлежности. Эпизод прошлого года, нигде официально не значится, но кое-какая информация присутствует. Будучи еще гражданским лицом, был в плену на базе Умаева-младшего (Итумкалинский перевал). Организовал и возглавил побег (опять оперативные данные – фактов нет) полутора десятков пленных, в результате которого небольшой отряд Умаева был полностью уничтожен. Больше ничего по нему нет, но и так ясно: юный безбашенный головорез, потенциально опасен, с таким типом надо держать ухо востро.

И в завершение: Елизавета Юрьевна Васильева. Уроженка Санкт-Петербурга. Капитан ФСБ. Двадцать шесть лет, вдова. Муж – полковник ФСБ, погиб при выполнении особого задания в конце первой чеченской. Детей нет.

Специалист по радиоэлектронике, устройствам видео-аудио-визуального контроля (читай – шпионской техники). Владеет английским, разговорным чеченским, сносно знает турецкий (и соответственно – азербайджанский). Серебряный призер Северо-Западного управления по стрельбе, мастер спорта по биатлону. Хобби – китайская философия, ушу, макраме.

По оперативной информации, в команду сослана за нанесение тяжких телесных повреждений непосредственному начальнику. Вроде бы этот непосредственный воспылал к Лизе дикой страстью и пытался в условиях командировки неправильно воспользоваться своим служебным положением. Такое частенько случается: вдали от семьи, на чужбине, дивчина симпатичная под боком, ходит вальяжно, производит плавные движения бедрами, провоцирует своим присутствием...

Однако что-то там у них не заладилось. Задумчивая Лиза к начальственным поползновениям отнеслась без должного понимания и... прострелила непосредственному мошонку. Из табельного оружия. Трижды. И, как утверждает пострадавший, сделала это без какого-либо оттенка скандальности. Задумчиво улыбаясь и глядя вдаль туманным взором. Этакая тихая баловница!

Вот такие славные ребята. Думаю, вы и сами догадались, что командиры и начальники рады были сплавить этих тихих ангелов в какую-нибудь безразмерную командировку. Про контрразведчика Иванова рассказывать не станем, потому что он тут единственный нор-

⁷ Группа «Н» – военные, которых нельзя допускать к выполнению СБЗ. Садисты, лунатики, психи, самоубийцы, «эну-резчики» и так далее. На последний момент моей службы в войсках – примерно 15% от всей списочной численности.

мальный военный, ему эту команду просто всучили. И никто, разумеется, не ожидал, что это сборище сможет давать какие-нибудь положительные результаты...

Так вот – вернемся к нашим баранам. То бишь к радости полковника по поводу нового озадачивания.

Разобравшись с резидентной сетью в сентябре, команда еще пару недель «подчищала хвосты» в данном направлении, а потом прочно встала на якорь. Вопреки ожиданиям, временное формирование никто не разогнал – то ли недосуг было, то ли рассчитывали еще как-то использовать. Члены команды состояли на особом положении, получали «боевые» за каждый день, обязанностями никакими обременены не были... И разумеется, быстро попали в разряд записных бездельников. Дошло до того, что командование группировкой стало использовать их не по назначению и регулярно пихать в разные «прорехи» (наподобие того пресловутого усиления КПП).

Иванов, конечно, мог решить проблему одним звонком – команда находилась в прямом оперативном подчинении у спецпредставителя и на весь период своего функционирования группировочному начальству была, что называется, неподсудна. Но полковник не стал этого делать, и члены команды прекрасно его понимали. Во-первых, совесть не позволила, офицер все же, как уже говорилось, в бездельниках числиться не обучен. Во-вторых, не хотелось портить отношения. Кто его знает, как долго будет существовать команда? Еще месяц-другой поддержат, сочтут нецелесообразным иметь лишнюю штатную единицу и расформируют за ненадобностью. И все вернутся по своим местам. А там, на местах, обиженное начальство лапки потирает...

– В общем – давайте! – напутствовал полковника Витя. – Бросьте все, прекратите всякую постороннюю деятельность, занимайтесь. Суесться не надо – я сам с командованием законнекчусь, введу в курс. Ну, разумеется, не совсем введу – только общо, в части, их касающейся...

Итак, прибывший на «хозяйство» полковник Иванов привел себя в порядок, положил распоряжение в папку и отправился в люди, бодро насвистывая мотив походной песни.

За полгода расположение команды изрядно похорошело во многом благодаря расторопности Глебыча. Полуразвалившиеся жилые модули укрепили, вкопали до половины в грунт и утеплили толем. Столовую, «ленкомнату», спортуголок и «душ» (бочку с приваренным краном) собрали в кучу под четырехскатной крышей с краденной где-то Глебычем УСБ-56⁸. По местным стандартам, было очень даже уютно.

Вся честная компания присутствовала в полном составе. Сразу со входа наблюдалось трагическое разделение на победителей и виноватых. Петрушин с забинтованным черепом, Елизавета в пластырях и нежно-розовый лейтенант Серега сопели над объяснительными в столовой. Лица уныло-сосредоточенные, в глазах мужчин легко угадывается мимолетное желание стрелять, а местами – куда попало, без разбора и длинными очередями.

Объяснительные для команды – норма жизни. Недели не проходит – строчат как по графику. Контингент такой, что поделаешь. Петрушин в бинтах – тоже своего рода обыденность. Планида у него такая. Отчего Лиза в пластырях? Да так, угодила в дурную компанию. Общалась бы с приличными людьми, глядишь, все было бы по-другому. Например, летела бы сейчас в транспортировочном ящике в родной Питер, в запаянном цинке, собранная по фрагментам...

Дело было так: работали Петрушин, Лиза и лейтенант «усилителями» КПП «Юг». Работали, как полагается, спустя рукава и с неукоснительным соблюдением всех доступных нарушений. Беспробудно спали, на службу забили. Захотели обедать – невзирая на усиление и ожидаемое прибытие инспекции, спокойно оставили пост и отправились в ближай-

⁸ Такая здоровенная палатка на сорок лиц, с двумя тамбурами, дюжиной окон и штатным утеплителем.

шую чайхану употребить жижиг-галныш (это такие галушки с бараниной) с пивом. Мирное окончание обеда было омрачено взрывом. В чайхане вынесло все стекла, Лизу порезало осколками, Петрушину в башню откуда-то прилетел совершенно левый кирпич, а лейтенант Серега вообще отделался легким испугом. Пообедали, что называется. Теперь отписываются – зачем оставили пост.

Глебыч, Костя и Василий торчали в другом углу – в «ленкомнате». Смотрели видак, гоняли дизель почему зря (объяснительные-то и при керосинке можно писать!). Это наши победители, предотвратители терактов, ловцы злобных шахидов. Ничего писать не надо, можно почивать на лаврах. Впрочем, им бы сейчас тоже объяснительные строчить, если бы не бравые омовцы.

Вчера вечером Иванова навестил полковник Стерня – командир ОМОНа, от которого выделялся личный состав на КПП, и попросил... умолчать о героической поимке шахида на КПП «Север».

– Не понял? – удивился Иванов. – В кои-то веки показали результат – и на тебе...

Стерня объяснил ситуацию: зама у него взорвали. Он был на КПП «Юг», встречал высокое начальство. Встретил... Так вот, решили омовцы разобраться с этим делом самостоятельно. Милостей от ФСБ ждать не приходится: как показывает практика, если эти ребята чего и найдут, об этом все равно никто не узнает, и не видать нам сладкой мести как своего рудиментарного отростка, именуемого копчиком. Поэтому шахида сдавать не стали, а посадили к себе в зиндан (наши в тот момент укатили на «Юг», им не до шахида было). Теперь надеются через пленного выйти на организаторов и выписать им своими методами по полной программе.

– Скользкое это дело, – усомнился Иванов. – Как бы в анналы не попасть...

Действительно, скрыть поимку шахида в момент «антишахидной» кампании, во время усиления, да еще после такой трагедии на «Юге»...

– А никто и не почешется, если промолчим, – успокоил его верховный омовец. – Сейчас самый разбор по «Югу», на «Север», как, впрочем, и на все остальное, всем наплевать. А мы, сам понимаешь, в долгу не останемся...

– Ладно, уболтал, – Иванов достал из папки рапорта «усилителей» «Севера» и вручил их гостю. – Держи. С ребятами я переговорю.

– Большое вам пролетарское спасибо! – Расчувствованный Стерня свистнул в рацию, и через полминуты боец втащил десятилитровую канистру. – Держи. Кизлярский. Не хухры-мухры, из своих запасов.

– Кизлярский, значит... – Иванов плотоядно облизнулся – с кизлярским самоделом полковник был знаком накоротке, но для приличия стал отказываться. – Да ладно, чего там... В одном строю идем, общее дело делаем...

– Да то не тебе и не за то, – простецки объяснил Стерня. – За то мы с тобой отдельно пообщаемся. А то – «психу» вашему, Косте. За то, что ребят моих спас, этого гаденыша «вывел», дал нам ниточку. Мы теперь перед ним по уши в долгу.

– Ну, уболтал...

И осталось все в неофициальном контексте: коньяк в столовой, шахид – в зиндане у омовцев, командование – в полном неведении. Норма жизни – так у нас всегда и выходит...

– Как съездили, Сергей Петрович?

Лиза – воспитанная барышня. Остальные только зады приподняли и тут же плюхнулись обратно. Ничего хорошего от поездки полковника в «верха» члены, разумеется, не ожидали.

– Слетал, – веско поправил Иванов (в Моздок из Ханкалы обычно добираются военным «бортом» – ездить замучаешься). – Как пишется?

– Да как... Вообще, конечно, нехорошо получилось...

– Получилось, напротив, очень хорошо, – не согласился Иванов. – Нехорошо было бы, если бы мне пришлось УФД № 10311⁹ заполнять!

– Тьфу три раза, – Петрушин суеверно постучал костяшками пальцев по столу. – Ваше бы мнение – да нашему дознавателю...

– Вы закончили? – поинтересовался Иванов.

– Да мы еще в обед сдали, – Петрушин, тяжело вздохнув, почесал голову под бинтами. – Это уже третий экземпляр. Не нравится им, видишь ли, что у всех троих – слово в слово...

– Ну и славно. Теперь вот что... Сверните эти объяснительные в трубочки. Поплотнее...

– Это еще зачем? – Петрушин озадаченно нахмурился.

– А давайте спросим старшего товарища, опытного и житейски подготовленного. – Иванов обернулся к Глебычу и свойски ему подмигнул: – Зачем, Глебыч?

– И засуньте их... – мгновенно сориентировался Глебыч. – Нет, я не говорю – себе. Это вам решать!

– Фи, – Лиза сморщила носик. – Как вульгарно, Глебыч!

– Мы, наверно, опять в деле, – догадался Костя. – Мы опять в прямом оперативном подчинении?

– В нем самом, – не стал томить коллег Иванов. – И клали с разбегу на все эти расследования, дознания и так далее. А я, между прочим, только что с дороги.

– Ой, совсем от рук отбились, – виновато пискнула Лиза, вскакивая и принимаясь накрывать на стол. – Сами поужинали, сидим тут, страдаем... Сергей, поставь чайник на примус...

Покормили полковника ужином, между делом провели совещание по теме. Суть распоряжения команда оценила, как и следовало ожидать, кривыми ухмылками.

– Вдовы – это да, – мечтательно прищурился Вася. – Надо всех вдов повестками собрать, построить в колонну по три и проверить на это... Ну, как его...

– На лояльность, – подсказал Костя. – И проверить не просто так, а углубленно.

Лейтенант Серега с ходу выдвинул бредовую версию.

– Я ее видел, – заявил он уверенно. – Когда мы заходили в чайхану, она сидела в машине.

– Ага, – Иванов и ухом не повел – вундеркинDISTый лейтенант жил в своем обособленном измерении и порой мыслил явлениями далеко не общего порядка. – В «шестерке»?

– Нет, в «Ниве», – с сожалением вздохнул лейтенант. – Но она была рыжая – это факт.

– Рыжая «Нива»? – удивленно вскинула бровки Лиза.

– Нет, рыжая дама. – Серега задумчиво уставился на останки индейки в тарелке полковника (Петрушин спер откуда-то, когда в обед в прокуратуру катался. Сказал – совсем ничья. Дикая.). – Рыжая...

– Рыжая Соня, – компетентно вставила Лиза. – Женщина с душой тигра.

– Во! – оценил Вася. – Владеет инфо. Откуда инфо?

– От Говарда, – Лиза лениво потянулась. – От него, родного.

– Че за хрен, с какого тейпа? – заинтересовался Вася. – Что-то я раньше о таком не слышал...

Костя беззастенчиво хмыкнул, Петрушин корпоративно покраснел, переживая за коллегу, а Лиза с большой заинтересованностью посмотрела на Васю – как будто неандертальца живого увидела. Такое случается примерно раз в неделю: дремучий Вася встречается меж зубоскальств продвинутых коллег – «смежников» и слегка попадает на интеллект. Все привыкли,

⁹ Унифицированная форма доклада о боевых потерях личного состава.

но Петрушину стыдно. Он образованный, в юности, в перерывах между ударами головой по кирпичам, читывал про похождения Конана.

– Ясно, – кивнул Иванов. – Все с вами ясно. Но вдовы – это так... Главное – шахиды. Юные. Соображения есть?

– Она так смотрела... – не унимался лейтенант.

– Значит, у нее были глаза, – серьезно сказала Лиза.

– Какое досадное упущение, – буркнул Петрушин. – Надо было сказать мне, я бы это дело поправил. Там, в чайхане, вилки были. Такие замечательные вилки, острые...

– Фу, как неэстетично, – поморщилась Лиза. – Прямо-таки какой-то неприкрытый садизм!

– Глаза у нее зеленые... И она смотрела на нас, как на потенциальных жертв, – лейтенант покачал головой. – Нет, это вам не просто так...

– Короче, философы! – Иванов слегка пристукнул по столу ладонью. – По теме что-нибудь будет?

– Шахид, – сказал Костя.

– Шахид, – Иванов пожал плечами. – Понятно – шахид... А что – шахид?

– У омовцев, – подсказал Костя.

– У омовцев сидит пойманный нами шахид, – в порядке реабилитации встрял Вася. – Акушер был сильно пьяный, получился он рахит...

– О! – Костя похлопал в ладоши. – Да это просто... просто какая-то высокая поэзия, друг мой!

– Но-но! – прикрикнул Иванов. – По теме!

– Шахид – ниточка, – пояснил Костя. – Другой у нас просто нет. Если правильно подойти...

– Так его вроде бы и нет, – усомнился Иванов. – Сам подумай: шахид попал к омовцам, у которых зама угрохали... Не-а, не дадут.

– Мне не откажут, – подмигнул Костя. – На сегодняшний день я у них в большом авторитете. Так сказать, орел текущего момента.

– Ага... – Иванов задумчиво уставился на графинчик с коньяком. – В принципе... Да, другой ниточки у нас нет. Почему бы и не попробовать? Если он там еще жив, не сошел с ума...

– Так я займусь?

– Вместе займемся. Завтра с утра прокатимся, пообщаемся... А теперь давайте обсудим другие направления, на которых нам в ближайшее время предстоит потоптаться...

Спустя полчаса полковник, сытый, всем на сегодняшний день довольный и самую малость прихваченный добротным кизлярским коньячком, покинул честную компанию и уединился в модуле, где проживал совместно с Глебычем и Костей. Здесь он достал из небольшого сейфа бланк с «шапкой» спецпредставителя, извлек из кармана ручку с симпатическими чернилами и на минуту задумался. Направление основных усилий, разумеется, намечалось несколько в сторону, но настроение у полковника было игривое, так что...

– Ладно, грамотеи, сами напросились. Тоже мне – «черная вдова-смертница»! Хм... Ну, нате вам...

И, тихонько хихикнув, Иванов каллиграфической прописью вывел заголовок:

План подготовки и проведения оперативной разработки «Черная вдова»...

Глава 4

Костя Воронцов

18 декабря 2002 г., г. Грозный

С утра, как пустили колонны, мы разделились на две группы и ушли. Иванов, Петрушин, Вася и ваш покорный слуга отправились в гости к омоновцам – работать по основному направлению. Лиза, Глебыч и задумчивый лейтенант Серега поехали в какой-то загадочный женский комитет отрабатывать для «галочки» рекомендации руководства по «вдовьей» проблеме. О существовании данного комитета, сами понимаете, мы и не догадывались – Лиза выручила. Оказывается, там трудится какая-то местная дама, с которой наша дама знакома по совместным (!) делам еще аж с первой РЧВ¹⁰. Вот такие загадочные подробности.

База нужного нам сводного отряда милиции располагается неподалеку от центра города, в более-менее «контролируемой» зоне. Рядом – штаб бригады внутренних войск и кафе «Азамат».

Эх, «Азамат» – светлая грусть моей печени, сладострастная вспученность селезенки! Хорошее заведение, специализируется в основном на кормлении «оккупантов», местные туда заходят редко и столуются в отдельных кабинетах. Добираться другой дорогой к омоновцам – большой крюк, поэтому мы вынуждены проезжать мимо кафе.

– Да... – пробормотал Вася, когда наш «бардак»¹¹, поравнявшись с плетеной изгородью летней террасы, врезался в жирную занавесь сложного сплетения ароматов жареного лука, свежей зелени и ни с чем не сравнимого шашлычного дыма. – Да...

– Нет, Вася, – Петрушин печально покачал головой и тяжело вздохнул. – Нет...

Увы, с некоторых пор членам нашей прожорливой банды вход в «Азамат» заказан. «Увы» – потому что это, пожалуй, единственное место в городе, где можно безопасно и с комфортом посидеть. Причина нашего отстранения от столь аппетитного местечка проста: мы отчасти виновны в смерти Ибрагима – хозяина кафе. Сейчас «Азаматом» командует его брат, а мы тут давно и хорошо знаем местные обычаи.

– Ну и ладно, – Вася украдкой сглотнул слюнку и по-детски оттопырил нижнюю губу. – Сто лет оно нам не упало! Тушенка – тоже нормально...

Омоновцы встретили нас хмуро. Нет, мы, конечно, великие спасатели и народные герои, тут нас просто обязаны крепко любить! Но мы, герои, пожаловали не вовремя.

Здесь принято ходить в гости под вечер, предварительно уведомив, и не с пустыми руками. А мы – утром, без ничего и внезапно. Нарушили все подряд.

Здесь живут ночью. Ночь – время стремно-деловитой активности. Кто-то отдыхает с друзьями, кто-то просто трясется до свету за свою шкуру, кто-то охраняет тех, кто трясется и отдыхает. А днем здесь принято официально спать – кому положено – и дремать на постах – кто по графику. Представьте себе, как бы вы отнеслись к приятелю, внезапно вломившемуся к вам в половине первого ночи с намерением просто пообщаться?

– Ну, вы бы хоть звякнули – я бы подготовился... – Разбуженный командир ОМОНа – Григорий Ефимович Стерня (для своих – Ефимыч) потер ладонями опухшее от бессонницы лицо и потянулся к телефонному аппарату. – Шчас, маленько посидите, я дам команду...

– Мы по делу, – успокоил потревоженного хозяина Иванов. – В полчаса все обрешаем и отчалим, сидеть нам некогда.

– По делу? Ну... тогда, может, чаю?

¹⁰ Русско-чеченская война (1994—1996 гг.).

¹¹ БРДМ (жарг.).

– Это можно, – кивнул Иванов. – Только чай, не более, – мы в работе...

Ефимыч распорядился насчет чаю, побряхтел над ручьем (вода – ледяная), и мы плавно перешли к деловому общению.

– Ну, что там с нашим хлопцем решили? – с ходу приступил к делу Иванов, мельком обозначив степень нашего участия. Это благодаря нам у вас есть хлопец, не забывайте, товарищи дорогие!

– С «вашим хлопцем»... – Ефимыч пожал плечами. – С вашим хлопцем нормально решили. Закопаем на пустыре – и всех делов.

Петрушин с Васей синхронно кивнули – одобрили. Мы с Ивановым переглянулись. Однако!

– Да ну, бросьте вы! – Ефимыч наш перегляд истолковал по-своему. – Мы ж не звери, в конце концов, – живьем закапывать... Сделаем все по-людски: пристрелим, в спальник упакуем...

Это, дорогие мои, вовсе не шутка юмора. наших славных правозащитников по данному поводу может одолеть зуд, но здесь все происходит по древнему неписаному принципу «око за око». Никаких политических окрасок и великодержавных амбиций, все глубоко на личной почве. Какие-то там эфемерные бойцы «непримиримой оппозиции» меня совершенно не колышут, пусть они себе развлекаются как хотят. А вот если твои друзья убили моего боевого брата и ты случайно угодил в мои цепкие лапки... Это уже переходит в личную плоскость, а кровная месть – жутко заразная болезнь, можете мне поверить. Я тут давно, невольно являюсь носителем инфекции, от которой пока не придумали вакцины... и потому убью тебя без содрогания. И буду считать, что поступил единственно верным способом. Но перед этим, разумеется, постараюсь использовать тебя с максимальной пользой для дела.

Вот так, дорогие мои. «Закопаем» – это о судьбе отработанного материала. Все, уже не нужен, можно закапывать... Значит, уже есть результат?

– Да, раскололся он, – подтвердил Ефимыч. – Рассказал все, что знал, и даже больше...

Я в курсе, что у омовцев, как и в других военизированных организациях, есть специалисты на предмет развязать пленному язык. Но я близко знаком с проблемой и поэтому засомневался.

Человека, который добровольно обрек себя на смерть, весьма сложно побудить к откровениям. Боль в данном случае не может играть роль универсального доминирующего фактора, заставляющего обычного пленного давать показания. Шахиды, наподобие нашего – это не просто обкуренные отморозки с большой дороги, они хорошо подготовлены в духовном аспекте. Длительное пребывание в состоянии обреченности ввергает человека в своеобразный транс, когда душа как бы отделяется от тела и существует самостоятельно. Проще говоря, правильно подготовленный шахид может выдержать любые пытки. Что ему пытки? Он для себя уже умер, отрекся от своего тела и покинул этот мир – дух его витает где-то в поднебесье, в преддверии зеленого рая великого Джихада...

В данном случае вопрос можно решить применением соответствующих препаратов (в просторечии – «сыворотка правды»). Но такие препараты есть только у определенного ведомства. Наш ОМОН хоть и не враждует с данным ведомством, но сейчас действует конфиденциально и доступа к препаратам такого характера не имеет.

В общем, я крепко заинтересовался их методикой и попросил поделиться секретом.

– Да ну, какой от тебя секрет? – Ефимыч снисходительно усмехнулся. – Вывели мы этого педрилу по данным. Он и не отпирался – готовился к героической смерти. Навели справки, узнали все о семье. Ну, и предложили ему альтернативу...

Альтернатива состояла из двух животрепещущих аспектов. Первый – сало, второй – семья.

Первый аспект обсуждению не подлежал. Отказываешься давать показания – нафаршируем твой трупик салом этого нечистого животного – свиньи, завернем в свиную шкуру и в таком вот виде закопаем на самшкинском скотомогильнике. В стройных рядах омовцев числятся немало истинных хохлов, так что с салом проблем не будет. Шкуру тоже обещали достать, надо только звякнуть на Ставрополье.

По части семейного аспекта возникли некоторые дебаты. Командир – простая душа – выдвинул незамысловатый ультиматум: на исходе третьих суток с момента гибели зама будем каждый час отстреливать по одному члену семьи и сбрасывать к тебе в яму. И будем так развлекаться до пробуждения сознательности. Начнем, как водится, с младшего брата.

А вот замполит-затейник, узнав, что у шахида есть еще две младших сестры, предложил несколько иное развитие событий. Сразу расстреливать никого не станем, а девчат будем долговременно насиловать всем личным составом на глазах связанной семьи. То-то порезвимся!

– И что – он повелся на такую дичь? – удивился Иванов.

– С ходу, – кивнул Ефимыч. – Задрожал весь, сволочь, затрясся – и давай колотиться!

– Гхм... Ну-ну... Записывали?

– А то! – Ефимыч вынул из стола стопку скрепленных степлером листов и прижал сверху диктофоном. – От вас секретов нету – читайте, слушайте...

Ознакомившись с предоставленным материалом, мы пришли к выводу, что несостоявшийся шахид действительно был предельно откровенен – почти по всем вопросам. Порядок вербовки, отбор кандидатов, система подготовки, место расположения «базы», где происходит подготовка, состав боевой группы, которая обеспечивала его акцию, детальное описание самой акции, имена...

– Главное – базу сдал, – горделиво приосанился Ефимыч. – Это, сами понимаете, – полный абзац.

– Сарпинское ущелье, – Вася компетентно почесал нос. – Знакомое местечко...

Для Васи практически вся Чечня – знакомое местечко. Он тут почти всюду гулял, а местами и на брюхе ползал. Этакий чеченский озорной гуляка.

– И где конкретно база?

– Конкретно показать не смог. – Ефимыч разложил на столе карту, ткнул карандашом в обведенную красной пастой окружность где-то посреди ущелья. – Говорит, с завязанными глазами везли, потом вели. Но заметил, что от села все время на север. Там здоровенная такая пещера, так что примерную привязку мы имеем...

– А парень, значит, из Челушей? – уточнил Вася.

– Вах, какой догадливый! – одобрил Ефимыч. – Подслушивал, что ли?

– Чего тут догадываться? – Вася пренебрежительно дернул плечиком. – Самое близкое село – Челуши. Если база в Сарпинском ущелье, лучше всего набирать людей из этого села. Удобно. Да и село еще то...

Тут притащили чай с коньяком. Чай отдельно, коньяк отдельно. И кучу бутербродов в придачу, а местами даже с красной икрой – омовцы у нас неплохо живут, по неофициальной табели обеспеченности они занимают второе место после записных тыловиков.

Уделив должное внимание бутербродам, Иванов с видимым безразличием поинтересовался:

– Если не секрет... что делать собираешься?

– Да ну, какой от вас секрет? Есть маленькая задумка. Ну, мы люди простые, глобальных идей не строим, поэтому все по-домашнему, запросто...

Тут Ефимыч великодушно изложил свой грандиозный план. Скрытно выдвигаемся в район. Находим ту здоровую пещеру, мать ее ети. Проверяем. Первый вариант: если есть кто – тихо вяжем, допрашиваем, ненужных «гасим» на месте, нужных тащим к себе в логово и

раскручиваем на главных злодеев. Второй вариант: если никого нет, устраиваем там, рядом, засаду. Дальше все по первому варианту.

Если оба варианта безрезультатны, что маловероятно, – начинаем работать по именам, которые дал шахид. Вот и все.

– Ну и как тебе? – Ефимыч горделиво приосанился и окинул нас орлиным взором. Дескать, это вам не с крыши писать, дети мои, – стратегия, блин!

– Ну, вы гиганты! – похвалил Иванов, с каким-то зловещим оттенком в голосе. – Ну, вы мастера!

– Нет, я понимаю... – Ефимыч был слегка обескуражен – тон нашего шефа ему не понравился. – Есть, конечно, нюансы... Но у нас просто нет других вариантов, сам пойми. Как говорится – на безрыбье и рак рыба. Но в целом... В целом, считаю – это оптимальное решение проблемы.

– Да кто спорит? Рак – это нечто. Это хорошая штука... – Иванов достал блокнот с ручкой и для приличия поинтересовался: – Могу я высказать свои соображения?

– Валяй, – великодушно разрешил Ефимыч. – Мнение специалиста всегда полезно послушать. Кроме того, как говорится, – ум хорошо, а два...

– Спасибо, друг, – поблагодарил Иванов. – Итак, по порядку. Начнем с имен... Это, конечно, славно: Аюб, Шапи, Исрапи, Лечи... «...Его зовут Аюб, а откуда он – я не знаю, он приезжал на белой „Ниве“, номера замазаны грязью...» Я что-то не нашел ни единой «привязки» по адресам или хотя бы по селам. А словесные портреты? «...Высокий, здоровый, мощный. Глаза сверкают. Говорит по-чеченски...» Блеск! Вот это портрет!

– Ну, у них же там конспирация, сам понимаешь...

– Понимаю. Все понимаю. Далее: методика...

В общем, не буду утомлять подробностями, а сразу сообщу результат: за десять минут Иванов беспощадно надругался над «раком» Ефимыча и не оставил от него даже панциря. Ефимыч выглядел вполне ошарашенно и беспомощно. Он все никак не мог поверить, что его грандиозный план оказался никуда не годным.

– Ну да... В принципе... Но это ведь еще как посмотреть...

– Да как ни смотри – все едино, – сегодня Иванов был явно не склонен к милосердию. – Давай послушаем нашего специалиста по разведке. Что мы имеем по координатам, Василий?

– Я это ущелье знаю, – авторитетно засопел Василий. – Пещер там – немерено. Если точно место не указать, будете бродить как минимум неделю. А бродить там опасно. Во-первых, там по лесу надо подбираться, а в лесу много заминированных участков, во-вторых, местные засекут моментом. Без местного проводника соваться туда не стоит... Короче – полная жопа.

– Какой ты добрый! – Ефимыч огорченно pokrutil головой. – Вот утешил!

– Давай послушаем нашего специалиста по искренности, – гнул свое Иванов. – Что скажете, доктор?

Доктор – это я. Я, между прочим, и вправду доктор наук, только это тут никому не надо.

– Местный парень. Вырос, можно сказать, в этом ущелье... – я тоже не стал щадить великого стратега Ефимыча. – И не смог точно указать координаты такой здоровенной пещеры? Да он там должен с завязанными глазами, с заткнутыми ушами, ночью, стукнутый по башке, пьяный в задницу...

– Короче, по координатам не раскололся, – подытожил Петрушин, плотоядно потирая ладони. – Методика допроса была избрана не совсем верно. Тут нужен несколько иной подход...

– Ребята... я, может быть, стратег хреновый, но в людях разбираюсь. – Ефимыч от уныния даже побледнел. – Поверьте мне, если бы это стоило того, мы бы его наизнанку

вывернули. Отвечаю: на боль и страх его не возьмешь. Основной наш козырь – семья. И если уж он уперся насчет точных координат...

– И последнее, – добил «стратега» Иванов. – Что ты там придумал насчет обоснования?

– В смысле?

– Ты собираешься брать эту базу, – принялся перечислять Иванов. – Организовать, по сути, глубоко законспирированный рейд, устроить засаду, тихонько повязать там всех... Я понимаю, что твои люди – мастера шмона и глубоких «зачисток» – в один момент с легкостью поменяют квалификацию и станут опытными разведчиками...

– Слушай, хорош прикалываться! – в отчаянии вскинулся Ефимыч. – Про своих людей я и сам все знаю, давай к делу!

– К делу, к делу, – успокоил Иванов. – В общем, квалификация – это на вашей совести. Но ты другое скажи. Если у вас все получится – дай бог. А если вдруг... А?

Ефимыч умолк и с тоской во взоре уставился на луженый чайник с коньяком. Обоснование, безусловно, было самым слабым пунктом текущего стратегического замысла. У нас тут не то что на проведение акции – на любое перемещение личного состава из района базирования надо обязательно получить санкцию руководства. Без этого ни одна «броня» выехать не имеет права. Теперь, если доложить по данному вопросу руководству, мгновенно отнимут шахида и отстранят от дела (иная сфера компетенции, сами понимаете!). Делом займется ФСБ, а ОМОН туда на гаубичный выстрел не подпустят. Если же заниматься этим втихаря, на свой страх и риск, то в случае каких-нибудь осложнений (например, пара «двухсотых» с нашей стороны) можно не только погон лишиться, но и запросто угодить под суд. А чтобы придумать для руководства обоснование перемещения определенного контингента в нужный тебе район, не указывая истинную причину, тут, ребята, просто нужно быть гением. Без всяких скидок. Я, например, такого обоснования в обозримой видимости не наблюдаю. А Ефимыч, между нами, на гения не похож. Он похож на омовского командира. Здоровый, упорный, решительный, наверняка кирпичи головой ломает не хуже нашего Петрушина...

– Петрович – хватит издеваться! – Ефимыч устал бороться и сдался на милость победителя. – Говори, что хочешь.

– Ничего я не хочу, – неискренне ухмыльнулся Иванов. – Я тебе помощь предлагаю.

– Помощь... – Ефимыч покрутил головой. – Знаем мы вашу помощь... Какую помощь ты предлагаешь?

– Вот специалисты, которые запросто организуют тебе рейд, – Иванов картинно махнул рукой в сторону Васи и Петрушина. – Вот специалист по вопросам обоснования...

Тут Иванов нескромно постучал себя кулаком в грудь: полюбуйтесь, специалист – загляденье!

– Один звонок – и с самого верха санкция на конфиденциальную операцию. Просто поступишь на сутки в мое распоряжение, никто носа не посмеет сунуть...

– Ты лучше скажи мне, какой тут твой интерес, – угрюмо спросил Ефимыч – в благотворительность полковника он явно не верил. – Тебе-то что надо?

– Дело в том, что нам тоже нужны эти хреновы организаторы, – не стал скромничать Иванов. – И нужны живыми...

– Я так и думал, – Ефимыч сурово вздернул квадратный подбородок. – Ты бы с этого и начал...

– Но если нам повезет и мы их отловим... Нам наверняка нужны будут не все подряд, – Иванов свойски подмигнул суровому командиру. – И еще... Мы их будем содержать у тебя. У тебя здесь все оборудовано, конфиденциальность гарантирована...

– Ну так это совсем другой базар! – мгновенно воспрял Ефимыч. – Ну ты накрутил, брат! Сразу бы сказал...

– Короче – согласен?

– А то!

– Тогда дело за малым. Осталось развести нашего шахида на точные координаты... И попросить его выступить в роли гида в нашей маленькой экскурсии.

Тут все разом обратили свои взоры на мою скромную персону. Специалист по искренности, прошу любить и жаловать.

– Я постараюсь, – засмутился я. – Однако хочу заметить, что это неординарный случай...

– Да ладно скромничать, доктор, – Иванов ободряюще похлопал меня по плечу. – Мы тут пока посидим, а ты сходи, пообщайся. Родина на тебя надеется. Смотри, не подведи...

Пленника, как полагается, содержали в зиндане – обычной яме, вырытой прямо во дворе и накрытой сверху решеткой. Я не гордый, но в яму не полез. У меня с некоторых пор аллергия на зинданы. Приходилось, знаете ли, сживать, и не по своей воле. В штаб или спальное помещение тащить парня было неудобно: людно там, матерно и враждебно – обстановка не располагает к доверительной беседе.

Побродив по расположению базы (а это вполне цивилизованные развалины кирпичного завода), я облюбовал бывшую диспетчерскую, в которой сейчас был оборудован медпункт. Медпункт пустовал, омовцы – здоровые парни, лечатся спиртом или стационарно в госпитале, после ранений.

Фельдшер без лишних разговоров забрал автомат, запер металлический шкаф с медикаментами на огромный амбарный замок, вытянул из-под кушетки канистру со спиртом и удалился.

– Сюда вести? – уточнил один из пары бойцов, выделенных мне в помощь.

– Угу. Желательно, чтобы рядом никто не шумел.

– Да ни одна падла на километр не подойдет, – уверил боец. – Располагайся, щас приведем...

Оставшись в одиночестве, я достал из полевой сумки пакет с ориентировками¹² и разложил их на огромном столе, сплошь покрытом выщербинами от осколков. К беседе я был готов (напомню, ехали сюда как раз по данному вопросу), особыми изысками баловать юного смертника не собирался, а планировал развлечь его простеньким агитпропом, рассчитанным на средней дремучести горского обывателя.

Через некоторое время бойцы ввели пленника, усадили его на табурет и стащили с головы мешок.

– Наручники, – распорядился я.

– Думаешь? – усомнился старший боец. – Он крепкий, не смотри, что худой...

– Разберемся, – я снял «разгрузку», отдал ее вместе с автоматом второму бойцу и похлопал себя по карманам. – Взять с меня нечего. А душить наладится – как-нибудь управлюсь. Да и вы рядом.

– Мы рядом, – подтвердил старший боец, снимая с пленника наручники. – Если что – шумнешь.

Бойцы вышли. Пленник с минуту таращился на радужный газовый шарик¹³ в углу и растирал запястья. Привыкнув к освещению, он рассмотрел меня и вздрогнул. Узнал, красавец.

– Это ты?

– Это я, – я не стал отпираться. – Вот пришел с тобой поговорить.

¹² Фото и краткие данные на разыскиваемого преступника. Как правило, отксеренные и дрянного качества.

¹³ Импровизированный светильник местного значения. Газ в этих местах – хоть... нет, просто очень много. А с электричеством – проблемы. Поэтому все освещаются вот таким образом. На выход газовой трубы надевают сплетенный из асбестовой сетки кокон, легонько открывают вентиль и поджигают. Светит не хуже неоновой лампы, с непривычки режет глаза.

– Шайтан, – пробормотал парень – без особого, впрочем, фанатизма в голосе. – Шакал...

– Не угадал, – не согласился я. – Костя. Просто Костя. Тебя зовут Заур – я в курсе. Так что, будем общаться.

– Не буду... – парень говорил очень тихо. Был он бледен и вообще выглядел неважно – как будто только из реанимации притащили. Взгляд потухший, к жизненным ценностям – абсолютно никакого интереса. Знакомая картина.

– Угу, понял. – Я распахнул дверь диспетчерской и навел справки: – Кормили его, нет?

– Командир сказал – кормить, – старший боец пожал плечами. – Мы давали. Так он, падла, не жрет ничего.

– Ясно. А притащите-ка нам пару стаканов сладкого чаю и четыре бутерброда с курятиной.

– Может, сразу шлепнуть его? И продукты переводить не надо...

– И кусок сала, – добавил я. – Там у вас сало есть...

– О! – обрадовался старший боец. – Так бы сразу и сказал! Давай, малой, одна нога тут...

Пока боец ходил за едой, я молчал. Взгляд пленника стал осмысленным, в нем сквозили напряженная враждебность и страх ожидания какой-то пакости. Умереть мы, разумеется, готовы. Но вот сало...

Боец притащил чайник, два стакана и бутерброды. Кусок сала водрузил на середину стола, зловеще ухмыльнулся и вышел.

– Приятного аппетита...

– Я хочу, чтобы ты поел, – сказал я. – Завтра ты нам будешь нужен здоровым и крепким. Ты сколько уже постишься?

– Сразу убивай, – с тоскливой обреченностью заявил Заур – сейчас он был даже не бледный, а серо-зеленый, кадык подпрыгивал к подбородку, выдавая подступающую тошноту. – Твой сало толка собака ест...

– Сало – это для профилактики. – Я завернул зловещий предмет в три ориентировки (большой кусок, одного листка не хватило) и бросил в мусорную корзину, где валялись какие-то окровавленные бинты. – Это – на случай твоего отказа. Я сейчас выйду. У тебя будет семь минут. Ты должен съесть все бутерброды и выпить два стакана чая. Чай сладкий. Ешь не торопясь, помаленьку. Тщательно пережевывай.

И направился к выходу.

– Если не буду? – уточнил мне в спину обескураженный пленник.

– Я сильнее тебя, – я оперировал близкими юному горцу понятиями. – Да и не один я тут. Если не будешь... тогда мы тебя накормим салом. Насильно. Поясняю: как бы ты ни брыкался, но если двое будут держать тебя за руки, а третий зажмет нос – твой рот непроизвольно откроется. Понятно, да? Возражения не принимаются. Так что – выбирай...

Думаю, вы догадались, какой выбор сделал юный смертник. Куда бы он, на фиг, делся с подводной лодки!

– Молодец, – вернувшись, я отметил отсутствие бутербродов и на всякий случай заглянул в ополовиненный чайник. – Теперь можно общаться. Курить будешь?

Заур потянулся было за предложенной сигаретой, но вдруг резко отдернул руку и насутился. Понятное дело. Теперь парень, если останется жив после этой передеряги, навсегда отучится брать сигареты у чужих людей.

– Если хочешь, кури, – я бросил пачку и зажигалку на стол. – Давай сразу определимся. Разговаривать тебе со мной так и так придется, так что не будем тратить время на препирательства.

– Если не буду? – уточнил пленник.

– Сало, – широко улыбнулся я. Петрушин сейчас был бы в восторге. – Я не садист, Заур, прошу понять меня правильно. Но мне нужно с тобой поговорить. Так что, давай обойдемся без острых сцен.

– Что хочиш?

– Домой хочу, – признался я. – К жене и детям. Достали вы своей войнушкой – по самое не могу!

– Так ед домой. Что тут делаиш?

– Я тут работаю, Заур. У меня работа такая – куда Родина пошлет... Но давай к делу. Я тебя агитировать не собираюсь. Я просто буду задавать тебе вопросы, а ты отвечай односложно – «да» или «нет». Хорошо?

– Давай, задавай, – разрешил пленник. – Но я все сказал самому главному командиру. Что еще хочиш?

– Хочу, чтобы ты знал: независимо от того, как у нас получится разговор, я тебя уважаю. Ты, конечно, враг. И заслуживаешь самой лютой смерти. Но ты настоящий мужчина. Стрелять может каждый. А принести свою жизнь в жертву во благо общего дела – это удел избранных. И я прекрасно понимаю, что не твоя вина в том, что ты остался жив...

Заур пару раз хлопнул пушистыми ресницами, растерянно посмотрел на меня и потупил взгляд. Слов у него не нашлось. Что бы там ни говорили, а в иных случаях грубая лесть – очень действенный способ для «наведения мостов». Тут надо только с объектом воздействия сообразовывать: например, Иванов, будь он сейчас на месте Заура, просто послал бы меня куда подальше. Но мой объект как раз отсюда. Из этой ситуации, из этого менталитета. Здесь взрослый мужчина говорит такие слова юноше только в том случае, если юноша действительно этого заслуживает.

– Гхм... Зачем так сказал?

– Просто сказал, и все. Чтобы ты не думал, что я тебя только ненавижу, и все. Чтобы знал, как я на самом деле к тебе отношусь... Читать-считать умеешь?

– Думаиш, раз чечен, значит, сабсэм баран?

– Просто спросил... – А вопрос, знаете ли, был вполне уместным. У них тут с девяносто четвертого года образование в глубокой... эмм... пропасти. Несколько поколений понятия не имеют, что такое школьная парта, а про глобус знают, что это такой удобный контейнер для изготовления СВУ.¹⁴

– Атэц – учитель. Все умею. Все знаю, даже английский знаю.

– Да иди ты! А ну?

– Брай блу ви скай. Сан ап он хай. Вэт воз зэ литл бойз пикчерс. Э-э-э... Мей зеар олвейз... Ну, короче – вот так, да.

– Силен, бродяга! Не думал, не думал...

– Слушай, Костя... Скажи, что хочиш?

Спасибо, друг. Стихи на английском и обращение по имени – это уже определенный уровень сближения. Вот так, буквально за десять минут, мы навели «мостик». А когда тебя привели сюда, ты больше всего на свете хотел быстро и безболезненно умереть и смотрел на всех вокруг, как на больших грязных тараканов. То есть к особям своего вида нас не относил. Ты бы с удовольствием послушал, как наши «тушки» хрустят под твоим кованым сапогом. Ты бы бестрепетно подпалил из огнемета наши безжизненные крылья...

Однако что-то занесло меня в зоологию!

– А ты сейчас сам все поймешь, – я кнул пальцем в ориентировки, разложенные на столе. – Узнаешь?

¹⁴ Самодельное взрывное устройство.

– Это амиры¹⁵, – Заур хотел произнести это гордо и даже приосанился... но в этот момент тонко икнул. И тотчас же желудок парня вдогонку выдал предательское урчание. – Ой... – пленник покраснел как девица и прикрыл рот рукой.

Нормально. Как раз то, что надо. Теперь ты у нас вообще на человека похож. Посмотрим, как ты будешь изображать из себя крутого горного орла – после нескольких дней поста да только что откушав бутербродиков!

– Кто-нибудь из них приходится тебе родственником?

– Какой родственник? Никто такой нет.

– Точно?

– Точно. Сам провер, да.

– Понятно. Чем живете?

– Не понял?

– У вас «самовар» есть? Русские рабы? Тачки краденые перегоняете? Наркотой торгуете?

– Слушай, Костя... Ты такой глупости говориш... Откуда такой взял?

– Ну чем, чем живете?

– Ну... Так, помаленьку...

Понемногу я вытянул из своего собеседника страшный секрет благосостояния его семьи. Секрета, впрочем, не было, как и благосостояния. Отец – сельский учитель, два года назад подорвался на mine, лишился обеих ног. Инвалид. Учиться никто не желает – есть дела поважнее. Сидит дома, фигурки из дерева режет. Заработок практически нулевой. Сестры – двенадцать и тринадцать лет. У матери, как отец подорвался, нога отнялась, тоже наполовину инвалид. Сам Заур и младший брат, десятилетний подросток, помогают пасти отару Бекмурзаевых. Это господский тейп, они в Челушах самые главные. Бывает такое, что семья ложится спать голодной – даже муки на хингалаш нет. В общем, нормальные горские пролетарии.

– Понятно с вами... Слушай, Заур, я тебя агитировать не собираюсь. Джихад, конечно, великое дело: война с неверными, и все такое... Будем говорить конкретно, только по сути. Напоминаю, мы договорились: «да» – «нет», от вопроса не уходить. Поехали. Скажи мне, кто из ваших славных амиров взорвал себя во благо джихада?

– Я не знаю такое... – в голосе моего собеседника сквозила неуверенность. – Но у нас село маленькое. Могли не знать...

– Да брось, не прикидывайся. Семафорная почта у вас работает отменно. Сегодня вечером Шамиль в Ведено пукнет, завтра старики в Наурской будут смеяться...

Заур от удивления даже рот разинул. Впечатлил я своего визави. Шамиль, конечно, святое. Но если старики смеются...

– Хорошо. Оставим Шамиля в покое – пусть себе шашлык кушает и вольготно пукает на природе. Давай сформулируем вопрос конкретнее. Ты, лично ты, слышал, чтобы кто-нибудь из амиров взорвал себя?

– Ну... Зачем амир должен сам подрываться? – попытался лавировать Заур. – Он командир. Он командуит. У него другой люди ест...

– Отвечать односложно. «Да» – «нет». Мнения потом. Слышал или нет?

– Ну... Нет. Не слышал.

– Ага. Значит – нет?

– Нет, я же сказал!

– Хорошо... Нет так нет. Да, кстати, вот взгляни...

¹⁵ Амир (эмир) – вождь, военачальник.

Я извлек из сумки очередную заготовку: опубликованные в Интернете счета главарей бандформирований и с десяток фото некоторых принадлежащих им вилл в разных мусульманских странах. Разумеется, это всего лишь агитка наших славных спецслужб. Мы этим целенаправленно пичкаем наших солдат и местных жителей, даже не задумываясь, правильные данные или липа. Нам как-то без разницы – мы и так бы воевали, без всяких там агиток. Но на определенный контингент действует безотказно. Виллы – прелесть. Счета – тоже ничего себе. Банк, номер, сумма. Суммы весьма внушительны даже по меркам наших зажиточных граждан. А уж для горских пролетариев...

– Это что?

– Это дома, которые ваши амиры строят себе за рубежом. Это деньги на их счетах в импортных банках. Нет, я сказал – агитировать не собираюсь. Это просто факты, легко их проверить... Но давай вернемся к нашей беседе. Ты слышал, чтобы кто-нибудь из близких родственников амиров подорвал себя во благо джихада?

– Ну... Вдовы так делали, – ответил Заур после недолгого раздумья. Впрочем, ответ звучал уже не так уверенно. – Их вдовы потом, как он умирает, сразу идет мстить. Берет машина и едит взрывать... Потом, Мовсар Бараев хотел взорваться, центр там захватил...

– Давай не будем о женщинах, – пресек я попытку волюнтаризма. – Война, по-моему, мужское дело. Или я не прав?

– Мужское. Прав ты.

– Вот... А вдовы – это вообще отдельный разговор. Мы с тобой прекрасно знаем, что к вдовам у вас относятся по-скотски. Мовсар ваш сам взрываться не хотел, опять вдовами прикрывался – это мы тоже с тобой прекрасно знаем... Давай о мужиках, договорились?

– Ладно, давай.

– Повторяю вопрос. Ты слышал, чтобы кто-нибудь из близких родственников амиров взорвал себя?

– Ну...

– «Да» – «нет»?

– Нет, не слышал.

– Не слышал... Очень хорошо. Ну, держи еще...

Я извлек из своей волшебной сумки следующую пару листков: список с двумя сотнями фамилий. Собеседник мой уже пребывал в приятном состоянии печальной неуверенности и теперь искренне морщил лоб, пытаясь понять, чем это состояние вызвано. Не морщи, красавец, для этого просто надо знать азы элементарной агитационной психологии...

– Зачем это?

– Тебе эти фамилии что-нибудь говорят?

– Не знаю... Это все – чеченцы.

– Правильно – чеченцы. Скажем больше – это цвет нации. В Москве и Питере проживают более двухсот тысяч чеченцев. Вот эти две сотни – самые солидные и известные бизнесмены. Ваш цвет почему-то ютится в наших столицах – на родину их палкой не выгонишь. А родине, думаю, их крепкие руки и большие деньги ох как пригодились бы! Но это уже другая тема. Возвращаемся к нашей. Ну-ка, скажи мне – кто из них взорвал себя во благо великого Джихада?

– Я не знаю... – Заур угрюмо насупился и тяжело вздохнул. Щеки его ярко горели от ощущения неловкости ситуации – словно это он был виноват в том, что никто из таких уважаемых людей не догадался благородно взорваться совместно с врагами. – У нас село маленькое...

– «Да» или «нет»!

– Не слышал...

– Ага. Значит – опять нет. А их близкие родственники?

– Не знаю...

– Понятно. Значит, опять – нет...

Я вытянул очередной листок и намеренно взял паузу. Шахид наш был хмур и напряженно размышлял, прислушиваясь к несолидному бурчанию в животе.

Разумеется, если у юного человечка в течение всей его сознательной жизни формировалась определенная мировоззренческая позиция, его не сдвинуть в сторону никакой, даже самой правдоподобной, агитацией. Тут главное – целенаправленная негативная установка. Когда ты все время говоришь «нет» – сам, без болевого нажима и морального давления, – у тебя поневоле формируется негативное отношение к исследуемой позиции. Главное тут – не пережать. Человечек должен все сделать сам, без грубых толчков в спину и начальственных окриков. Сам – это гораздо доходчивее...

– Вот анализ самоподрывов этого года, – я положил листок на стол. – Две вдовы боевиков... Мы договорились, что это отдельная тема, разбираем только мужиков – это всего лишь статистика. Итак: две вдовы, один зрелый мужик – тридцать восемь лет, и... восемь юношей в возрасте до двадцати лет.

– У нас юноша – мужчина, – поспешно вставил Заур. – Если русский все убивает, юноша – глава рода – идет мстить...

– Да это понятно, – согласился я. – Мужчина идет мстить – святое дело... Взглянем на анализ. Обрати внимание на социальное положение шахидов.

– Положение... где?

– Давай проще. Благосостояние. Богатство. Посмотри-ка... У нас получается, что все шахиды – из беднейшего слоя горского пролетариата. Крестьянские дети.

– Ха... – неуверенно усмехнулся Заур. – Ну ты сказал...

– Я сказал то, что есть. Взгляни на анализ. Можно сказать по-другому: братья по бедности. Думаю, это будет правильно... Кстати, тебя, может быть, это совсем не интересует, но в нашей армии наблюдается до боли похожая зеркальная картинка.

– Армия что – бедная?! – Заур опять усмехнулся. Очень хорошо. Вытащить смертника из трансовой прострации и подтянуть до уровня обычных человеческих эмоций – большое дело. Это полпобеды.

– Да, армия у нас бедная. Я бы сказал – рабоче-крестьянская. У меня нет списков, на это просто бумаги не хватит... Но я тебе так скажу, и мои слова легко проверить – достаточно сходить в любое наше подразделение. Если составить воображаемый список наших больших людей, мы выясним, что ни у одного из них сын не служит в армии. Последние десять лет в армию у нас берут тех, кто не в состоянии откупиться или «откосить». То есть детей представителей беднейшего класса. В общем, армия у нас формируется по классовому типу. Получается, что шахиды – дети ваших беднейших дехкан – с огнем во взоре и Кораном на устах самозабвенно рвут нашу голытьбу, в то время как наши и ваши богачи...

– Я не последний из дехкан, – мрачно заметил Заур. – Я мужчина...

– Да кто спорит? Ты у нас мужчина, делец, богач! Твоей семье за твой подрыв дадут десять штук баксов. Хорошие деньги! Ваш Аликперов в Москве за ночь просаживает в казино по пятьдесят штук баксов. То есть проигрывает примерно пятерых шахидов...

Я умолк и принялся рассказывать перед столом, делая вид, что впал вдруг в глубокую задумчивость. Джинн думает. Варись, клиент, сам – доходи до кондиции.

На лице юноши легко читалось смтение и растерянность. Как говорит Иванов – клали мы вприсядку на ваших спецов по подготовке шахидов. Приставьте к каждому полуграмотному крестьянину дипломированного психолога на пару часов – и никто у вас тут подрываться не будет. Вопрос только: где их взять, дипломированных? Они все в теплых местах, сюда их даже под страхом немедленного изнасилования не загонишь...

– Костя... Скажи, что хочиш? – прорезался наконец мой клиент.

Ага, клиент созрел. Пора браться за дело.

– Думаю, ты отдаешь себе отчет, что после всего, что случилось, домой тебе возвращаться нельзя?

Заур хмыкнул, покрутил головой... А во взгляде – тоска беспросветная. Хмыкай не хмыкай – ты, друг дорогой, продукт своего горского менталитета, прекрасно понимаешь, что я прав.

У чеченцев есть такое понятие: «потерять лицо». Долго объяснять, но это сильнее, чем даже страх физической смерти. Это смерть духовная. При этом никто не будет разбираться, что ты собирался совершить несправедный, с точки зрения мусульманина, поступок (в нашем случае – покончить жизнь самоубийством). Ты его продекларировал... но не совершил, поддавшись минутной слабости, и тем самым покрыл себя позором. В общем, тебе после этого остается только два пути: либо умереть, либо исчезнуть. Нормальной жизни среди своего прежнего окружения у тебя уже никогда не будет. Нет, убивать тебя не станут. От тебя просто отвернутся. Для чеченца это хуже смерти...

– Ты хорошо знаешь наши обычаи...

– У меня работа такая... – я принялся оперировать доступными моему собеседнику понятиями. – Я не омоновец. Я из более крутого ведомства. Мы эвакуируем тебя в Россию. Не обязательно в Москву – Россия большая. Поменяем данные, дадим новый паспорт. Ты молодой, умный, способный – у тебя вся жизнь впереди. Будешь работать, помогать своей семье. Запросто можешь стать богатым, тогда твоя семья не будет бедствовать. Кроме того, в качестве единовременного вознаграждения мы выплатим твоей семье те самые десять штук баксов...

Надо вам сказать, что я не слишком-то блефовал, рисуя собеседнику картинку нашего взаимовыгодного сотрудничества. Для нашего пробивного спонсора Вити организовать такую процедуру – что вам в пупке поковыряться. Разумеется, все это только при наличии серьезной отдачи со стороны опекаемого объекта...

– Что надо делать?

– Надо помочь. Я тебе гарантирую полную конфиденциальность. То есть о тебе и твоей помощи вообще никто не узнает, клянусь чем хочешь. Завтра ты проведешь нас к этой самой базе...

– Я не предатель, – перебил меня Заур. – Я вам сказал – где. Ищите...

– А ты мужчина?

– Да, я мужчина. А при чем здесь...

– А принцип «око за око»? Нет, будет правильное сказать – кровная месть. Ты подумай: эти люди сами почему-то не захотели взрываться. Потому что у них особняки и счета в импортных банках, они хотят жить, и жить долго. Вместо этого они решили взять твою жизнь. Распорядились твоей судьбой как им заблагорассудилось, напели тебе в уши что-то... А ты им это безропотно позволил. То есть получается, извини меня... ты подставил голову под нож, как самый глупый баран!

– Зачем так сказал?! – Глаза Заура наполнились слезами обиды.

– Я не хотел тебя оскорблять. Я просто обрисовал тебе ситуацию так, как она мне видится. Я вижу, что есть умные люди, которые делают большие деньги, живут в свое удовольствие и для своих целей используют неграмотных темных бедняков. Они считают, что бедняки эти – люди второго сорта, тупые и бездарные создания, которые только на то и годятся, чтобы взорвать себя вместе с парой оккупантов... И ты знаешь, они – эти умные деятели – в чем-то правы. Эти бедняки почему-то не пожелали попробовать как-то лучше устроить свою жизнь, обеспечить своей семье достойное существование. Они пошли по самому легкому пути: дерни за веревочку – и никаких проблем! Можно сказать грубее, но

доходчивее – просто легли под этих умников и подставили им задницу. Натё, берите, делайте что хотите, все равно я своей жопе не хозяин... И у меня вопрос – они мужчины после этого?

– БЫых-ххх!!! – Ответа не было – мой шахид вдруг закрыл лицо руками и принялся безутешно рыдать, вздрагивая плечами.

Между нами – не ожидал. Обычная агитпроповская патетика, грубая, безыскусная – не более того. Лиза с лейтенантом Серегой сейчас наверняка бы похлопали в ладоши и язвительно усмехнулись. А этого вон как проняло...

– Выпей, – дождавшись, когда приступ рыданий сошел на нет, я налил в стакан чая. – Успокойся. Ты молодой, у тебя вся жизнь впереди. Докажи, что ты мужчина. И пойми, что ты никого не предаешь. Ты о себе думай. Ты отдашь этих умных деятелей нам в обмен на свою новую жизнь и благополучие своей семьи. Они тебе – никто. Теперь пусть они будут для тебя людьми второго сорта. И вообще, считай, что тебя это уже не касается – через три дня ты займешься своим личным, нормальным бизнесом, в безопасном месте. А эти ребята, если желают, пусть подрываются сами. В конце концов, они имеют с этого неплохие деньги, так что пусть отрабатывают...

– Когда надо идти? – Заур залпом выпил остывший чай и размазал слезы по щекам.

– Завтра. Мы отправимся после обеда. Ну так что?

– Никто не узнает?

– Я сказал: ни одна душа.

– Хорошо... Я проведу вас...

Глава 5

Рыжая Соня

(Предупреждение: глава трудная, с претензией на социальную объективность. Другим Васи Крюкова – не читать!)

...Серое утро. Серые холмы. Горизонт не просто серый, а какой-то тягостно-свинцовый. Молодые люди в серых комбинезонах...

Я и моя многострадальная родина обречены на вечную зимнюю серость. Где-то, вне нас, существует яркий, разноцветный мир, в котором живут и работают нормальные люди. Они одеты в разнообразные одежды, у них стеклянные двери, зеленые, ровно постриженные газоны, оранжевый сок на завтрак. Они спокойно спят по ночам, не вздрагивая от разрывов снарядов, не прячутся в первую попавшуюся щель при виде армейской бронетехники. Дети их играют в другие игры. Им не надо думать: вот мальчик вырос, ему уже пятнадцать, пора покупать автомат и говорить с местным амиром, чтобы пристроил паренька к настоящему мужскому делу...

Мы отлучены от этого разноцветного мира, он нас попросту отторгает. Наш удел – вечная война, кровь, грязь, мытарства и полная безысходность. Мы, серые волки древних гор, глубоко враждебны разноцветной цивилизации, ее полноправные граждане пугают нашими именами своих детей...

Я сижу в нашей «Ниве», которая стоит на краю неглубокого котлована. Рядом расхаживает Аюб. В котловане дети играют в жмурки...

Знаете, есть такая сказка: «Волк и семеро козлят». В жизни вообще, если присмотреться хорошенько, можно обнаружить массу пугающих аллегорий. Нашу сказку, наверное, следовало бы назвать так: «Волк, семеро волчат и два барана». Волчата – пацаны от пятнадцати до восемнадцати, их как раз семеро и они пока что не имеют опыта умерщвления себе подобных. Волк здесь, разумеется, – Аюб. Матерый такой волчище, с задубевшей от вражьей крови шкурой, с огромными смертоносными клыками. В роли баранов сегодня, как всегда, двое русских пленных солдат первого года службы, из личных резервов Аюба.

«Как всегда» – это насчет первого года службы. Практика показывает, что попадают в основном молодые, необстрелянные салаги. Если русский солдат прожил на нашей войне год и не умер, его трудно взять в плен. Обычно они отстреливаются до последнего патрона, а потом подрывают себя гранатой да еще норовят это сделать так, чтобы пострадало как можно больше наших моджахедов. Потому что они знают, что их ожидает.

Вообще, будь я на месте русских властей, я бы внимательно присмотрелась к этим выжившим на войне солдатам, когда они вернутся домой. Потому что это уже не маменькины сынки, которыми они были по призыву в армию, а *совсем другие люди*. В чем-то похожие на нас, серых волков, и неосознанно отторгаемые своим разноцветным обществом. Они несут в себе смертоносный заряд полного пренебрежения к ценности человеческой жизни и готовности убивать. Они опасны для рахитичного русского общества своей независимостью и повышенной жизнестойкостью...

Дети играют в жмурки... У всех – небольшие ножи. У русского на голове мешок, в руках его такой же нож, как у всех. Один из «волчат» подсакивает вплотную, кричит: «Я здесь, гаски!» «Баран» поворачивается на голос, размахивает ножом. «Волчонок» ловко уходит от опасного взмаха, оказываясь за спиной у «барана» и тычет его ножом в задницу. «Баран» глухо вскрикивает – больно ему. Следующий «волчонок» подсакивает, зовет «барана»...

На дне котлована жидкая грязь, но это «волчатам» не мешает. Они сильно возбуждены, азартно покрикивают, готовы возиться так до самых сумерек.

Правила определяет Аюб. Для него это не игра, а так называемый «профотбор». Аюб сейчас работает в обе стороны: оценивает кандидатов на звание рядового моджахеда в джамаате Арби Шамхалова и высматривает претендента для Деда. Я – «оперативное сопровождение», как принято выражаться у представителей вражеских спецслужб.

Правила простые. До особой команды «барана» можно только колоть в задницу. Это, конечно, очень больно, но позволяет ему некоторое время оставаться «на плаву». Аюб показал, куда колоть нельзя, чтобы не повредить седалищный нерв. Тот, кого «баран» порежет, сразу выбывает из игры. Если ты такой неловкий, что позволил врагу с завязанными глазами полоснуть себя, тебе не место в рядах воинов Джихада. Иди, тренируйся до следующего испытания.

Для «барана» тоже есть правила. «Матч» длится десять минут. Если за это время «баран» порежет троих – его оставят в живых. Согласитесь, хороший стимул.

Первый «баран» заметно вяловат. Он три недели сидел в зиндане, ему давали двести граммов черного хлеба в день и пол-литра воды – этого вполне достаточно, чтобы человек жил.

У нас большой опыт в содержании пленных. Русские крайне редко бегут из наших зинданов. Те, кому удалось сбежать, – уникалы совсем из другой породы, про них даже говорить не стоит, потому что их очень мало. А любой нормальный человек к концу первой недели содержания в таком «ямочном» режиме превращается в тупое послушное животное, безразличное к своей дальнейшей судьбе. Эту неделю человек держится на «старом жире» и пребывает в состоянии постоянного страха смерти, каждую секунду ожидая, что ему перережут горло. Потом он привыкает к этому состоянию. Человек вообще ко всему привыкает – даже к самым нечеловеческим условиям. «Старый жир» кончается, скудная пайка не дает силы для ощущений и жажды жизни. Человек впадает в состояние, сходное с зимней спячкой или тягостным сном смертельно больного. Он вроде бы жив, но уже похоронил себя. От него исходит липкое «земляное» зловоние: в яме он ходит под себя, в первые несколько суток – довольно обильно, «старый жир» перерабатывается. Человек насквозь пропитывается этим запахом, в темноте и тесноте ямы довольно быстро отвыкает здраво мыслить и постепенно превращается в живой труп. Этакий зомби.

Такого легко убить даже начинающему моджахеду, для которого умерщвление себе подобного в новинку. «Волчата» просто уже по внешнему виду и запаху не отождествляют приговоренного к закланию «барана» с представителями рода человеческого. Грязный, вонючий, весь в струпьях и дерьме, со стеклянным взглядом... Тут и специальной обработки не надо, все обычно идет как по маслу.

К краю ямы жметесь второй русский солдат. Этот «баран» № 2 – объект повышенной сложности. Он покрепче, шире в кости, выше первого. Но не это главное. Этот второй – зовут его Ваня – очень хочет жить.

Три дня назад его достали из ямы, искупали, побрили-постригли, дали чистую одежду. Потом хорошо покормили и сказали, что завтра-послезавтра обменяют на одного моджахеда. Три дня этот Ваня спал в тепле, хорошо кушал, читал свежие газеты. Он вновь почувствовал вкус к жизни. Более того, сейчас, после всего пережитого, он жаждет жизни с удвоенной силой. Видели бы вы, как радовался этот мальчишка, как сверкали от счастья его красивые голубые глаза! Впрочем, сама я этого не видела, мне Аюб сказал.

Теперь он жметесь к краю ямы и с диким напряжением наблюдает за игрой в жмурки. Правила ему довели. Он в курсе, что если его товарищ не справится, то во втором «периоде» возьмутся за него. Сегодня на рассвете ему сказали, что обмен откладывается на неопреде-

ленное время, а его, чтобы зря не «простаивал», используют для подготовки юных моджахедов.

Вот это и есть объект повышенной сложности. За три дня он восстановился, почувствовал вкус к жизни, обрел утраченную было надежду. Теперь он должен сражаться за свою жизнь с яростным ожесточением. А еще он похож на человека. Нормально пахнет, розовое лицо, адекватно мыслит. Посмотрим, как «волчата» справятся с этой задачей...

– Время! – Аюб свистит в обычный судейский свисток. Десять минут истекли.

«Волчата» бросаются к «барану», отнимают у него нож, срывают с головы мешок. Солдат слепо шурится на серое небо. Он впервые за много дней увидел свет – мешок надевали в яме. Он не порезал троих. Он вообще никого не порезал. Участь его решена...

– Все в игре, – объявляет Аюб. – Молодцы, справились. Можно!

И бросает в котлован огромный тесак с зазубренным от частого употребления лезвием. Ножи у «волчат» – игрушки. Вот оружие для настоящего дела.

Тесак падает несколько в стороне от «волчат» и тонет в жидкой грязи. «Волчата» с азартными криками и гиканьем бросаются к тому месту. Начинается свалка – каждый хочет первым схватить заветное «ритуальное» оружие. Один из толпы не бежит со всеми, остается на месте. Это семнадцатилетний Аслан, сын подорвавшегося прошлым летом на mine агронома Исхакова.

Я хвалю себя за проницательность. Познакомившись с «волчатами» и поверхностно изучив их биографии, я для себя сразу отметила Аслана. Глаз у меня наметан, так что я сразу определила: вот он, мой «чистый» шахид. Посмотрим, как он будет вести себя дальше...

– Аслан, – говорю я Аюбу.

– Я вижу, женщина, не слепой, – отвечает Аюб и досадливо бормочет себе под нос: – Ох уж эти мне грамотеи...

Тесак достается Исмаилу – худенькому пятнадцатилетнему подпаску с нежным лицом херувима. Победно вскинув руки, мальчишка потрясает грозным оружием и на секунду в нерешительности замирает. Что дальше? Дальше надо действовать. Он, видимо, не совсем готов, пытается собраться с духом...

Этой маленькой заминки достаточно, чтобы более решительные товарищи сделали выводы. Семнадцатилетний Руслан, сын животновода Идигова, повешенного этой весной русским спецназом в назидание остальным самодеятельным минерам, сильно толкает товарища в спину. Тот падает, тесак выскальзывает у него из рук и вновь оказывается в грязи.

– Аялла... – Аюб недовольно качает головой. – Растяпа!

Воин не должен выпускать из рук оружия, даже если его повергнет наземь вражеская пуля. Воин должен умереть с оружием в руках, как того требует древний закон гор. Если же ты расстался с оружием после дружеского тычка, то ты пока не имеешь права называться воином. Иди, тренируйся, закаляй себя...

Руслан нашаривает в грязи тесак, деловито оттирает лезвие о штаны и, не оглядываясь на упавшего товарища, направляется к пленнику. Остальные устремляются вслед за ним.

«Баран» пятится, отступая назад, спотыкается и падает. У него нет сил встать, игра в «жмурки» окончательно измотала и без того донельзя ослабленный организм солдата. Поэтому он ползет прочь на четвереньках, тихонько подвывая низким, утробным голосом. За спинами «волчат» я не вижу его глаз и выражения лица, но слышу слабый тоскливый крик:

– Не надо!!! Пожалуйста, не надо!!!

Не надо... Если бы мать солдата видела эту сцену, ее наверняка хватил бы удар. Впрочем, кто его знает, может быть, когда-нибудь увидит. В жизни ведь всякое случается...

Я выхожу из машины и включаю свою камеру. Нет, я не собираюсь подкидывать запись на русский блокпост, у нас хватает людей, которые занимаются как раз этими делами. Запись нужна мне для анализа. Я в основном снимаю оставшегося несколько в стороне Аслана,

цепляя массовку краем. Потом надо будет разобраться, может быть, чего и не заметила при просмотре «вживую»...

Руслан настигает «барана» и хватает его за волосы. Другие «волчата» бестолково толкуются рядом, соображая, как бы помочь товарищу. Повторяю, у всех испытуемых нет опыта убийства, хотя все они уже минировали дороги и обстреливали колонны федералов. К своему личному убийству они готовы только в теории.

Помощь не требуется. «Баран» стоит на коленях, голова запрокинута назад. Руслан крепкий, справляется сам.

– Не надо!!! – в последний раз раздается хриплый крик.

Не надо... Не надо, матери, посылать своих детей на эту бойню. Рано или поздно наши дети сделают с ними то же самое. Это наша земля. Это наш серый мир. Мы его защищаем как умеем...

Руслан сильнее оттягивает голову «барана» назад и резким взмахом тесака перехватывает ему горло. Раздается характерное бульканье. Серая грязь вокруг поверженного тела солдата мгновенно становится бурой.

– О господи... – доносится придушенный всхлип от другого края котлована.

Это Ваня, русский мальчик, «объект повышенной сложности». Он закрыл лицо руками и прижался спиной к оплывающей земляной стенке. Он потрясен случившимся, хотя все это время напряженно ожидал подобного развития событий...

Я заметила одну характерную деталь: во время «профотбора» русские никогда не вступают друг за друга. Методика Аюба проста: всегда есть № 1 и № 2 – «объект повышенной сложности». Так вот, этот № 2, с развязанными руками, отдохнувший, готовый к борьбе... всегда безмолвно наблюдает, как убивают его товарища. Я отношу этот феномен к издержкам учения Христова. Мы знаем, как была совершена казнь Христа. Тысячи его поклонников и последователей безмолвно наблюдали, как какой-то жалкий взвод римлян казнил их учителя, и шепотом зывали к ним: «...милосердия, милосердия!!!» Это они просили, чтобы Христа прикончили побыстрее, чтобы не мучился. Позор!

Вот вам разница в менталитетах. Наши «волчата» никогда не станут безмолвно наблюдать, как убивают их товарища. Они бросятся навстречу смерти с рычанием тигра и будут голыми руками биться до конца. В этом мы сильнее русских, поэтому им никогда нас не победить...

Между тем Руслан сноровисто отделяет голову солдата от тела – как будто до этого всю жизнь занимался подобными вещами. Он гордо вздевает руку вверх, показывая свой трофей Аюбу – старшему волку. Грязная окровавленная голова жутко скалится на нас, как будто хочет укусить. Поздно. Раньше надо было кусать.

– Нормально... – бормочет Аюб. – Хороший моджахед...

Нормально. Это деяние – наследие варварского Средневековья или даже более раннего периода. Мы плевать хотели на вашу мягкотелую цивилизацию, которая выхолащивает мужчин и делает из них мягкотелых баранов, обреченных быть жертвами сильных хищников. Наши дети становятся мужчинами именно так. Каждому – свое...

– Давай – футбол, – Аюб опять свистит. – Отдохните маленько...

«Волчата» спускают в котлован лопаты и устанавливают импровизированные ворота. В стайке царит возбужденное оживление, предвкушение новой забавы.

Пока они там развлекаются, я расскажу вам, как попала в этот серый мир. Думаю, вы поймете, почему я не испытываю сочувствия к обреченному русскому Ване, у которого наверняка есть мать, ночами бьющая поклоны своему безвольному слабому богу, чтобы он защитил и спас ее сына. Вы поймете, зачем я выполняю эту опасную и кровавую миссию...

* * *

Родилась я в Грозном в 1970 году. Как видите, я совсем не старая, это страдания сделали меня такой суровой и выглядящей гораздо старше своего возраста. Отец – горный инженер, местный. Мать – упадете... русская! Москвичка, попала в Грозный после окончания столичного педагогического вуза по распределению.

Говорят, любовь у них была – как в кино. Жили хорошо, росла я в полном достатке, ни в чем не испытывая нужды. Больше детей у родителей не было, как ни старались. Отец все хотел сына-наследника, но что-то там у них не получалось. Поэтому вся родительская любовь, предназначенная неродившимся детям (многодетная семья – эталон для каждого нормального горца), досталась мне одной.

Следуя традициям по материнской линии (отец не препятствовал), я, повзрослев, поступила в МГУ на педфак. Жила у деда с бабкой – родителей матери, училась хорошо. Все принимали меня за свою, никто не тыкал мне, что я нацменка, во многом, думаю, благодаря внешности. Я рыжеволосая, зеленоглазая, белокожая и слегка веснушчатая. Мамина дочка, одним словом. Но в душе я оставалась чеченкой. У нас гены и принадлежность к нации передаются по отцу, в отличие от хитрых евреев, которые определяют национальность по матери.

Закончив университет, я вернулась домой и стала преподавать русский и литературу. Тогда же, в девяносто втором, вышла замуж – и тоже по большой любви. Семейная традиция.

Ах, что за парень был мой Султан! Не подумайте, что хвастаюсь, можете спросить тех, кто его знал. Красавец под два метра, спортсмен, умница, из семьи потомственной технической интеллигенции. Отец, естественно, редактировал мои знакомства и не позволил бы встречаться с кем попало. Но Султан всех покорила, даже моего сурового отца...

Свадьбу играли всем районом. Самые влиятельные люди у нас в гостях были. Мой Султан уже тогда был главным инженером нефтекомбината, большой человек по здешним меркам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.